

Пробелы идентичности

Как и почему нация ускользает от государства

Кирилл Телин

Научный сотрудник кафедры государственной политики, факультет политологии,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Адрес: Ленинские Горы, д. 1, г. Москва, Российская Федерация 119991
E-mail: kirill.telin@gmail.com

Кирилл Филимонов

Младший научный сотрудник, Центр политологии,
Институт социально-политических исследований Российской Академии наук
Адрес: ул. Фотиевой, д. 6, к. 1, г. Москва, Российская Федерация 119333
E-mail: kirill.filimonov.spbu@outlook.com

Одним из самых популярных конструктов, связывающих политическую теорию с запросами участников политического процесса, является концепт «национальной идентичности», призванный обеспечить воспроизведение социально-политического порядка в целом и легитимацию специфических политических курсов в частности. В поле внимания данного аналитического обзора находится этот последний, частный аспект темы «национальной идентичности». Авторы помещают его в контекст классической проблемы политического порядка, акцентируя внимание на способности государства проводить политику, базирующуюся на общности ценностей, убеждений и моделей поведения, риторическим оформлением которой и становится дискурс «национальной идентичности». Отправной точкой критики становится аргументированное сомнение в способности государства претендовать на монополию в деле воспроизведения политического порядка, апеллируя при этом к неустойчивой и чаще всего мнимой общности представлений о «нации». Это сомнение, безусловно, очевидно для политической философии и социальных наук. Однако редко можно найти ситуации, когда столь дискутируемая проблема политической теории конвертируется в объективные сложности для государства, избравших стратегию «колонизации» публичной сферы. Эти трудности выражаются в том числе и в растущей неопределенности статусов всех агентов политики идентичности. В статье отмечается, что именно в силу выбранной стратегии «колонизации» «нация» ускользает от государства, а искомые ориентиры, такие как «стабильность» или «порядок», остаются недостижимыми. Авторы заключают, что политика консолидации и достижения максимальной «управляемости», апеллирующая к дискурсу «национальной идентичности» и проводимая правительствами в эксклюзивном порядке, неизбежно носит выхолощенный характер, а ее реализация связана скорее с рейтинговыми и материальными целями лиц, принимающих решения, нежели с достижением социальной интеграции.

Ключевые слова: национальная идентичность, государство, политическая стабильность, дискурс, государственная политика, социально-политический порядок

«Национальная идентичность» сегодня является одной из самых популярных и распространенных политических категорий, обеспечивающих устойчивую связь академического дискурса политической теории и практик, осуществляемых акторами политического процесса во всем мире. Россия и Китай (Walton, 2012), Венгрия (Stein, 2017) и США (Prager, 2015), Филиппины (Teehankee, 2016) и Уганда (Mwakikagile, 2009) при всем многообразии различий, присущих политическим традициям и порядкам этих стран, имеют по меньшей мере одну общую черту, характеризующую их политический процесс: в каждой из этих стран работа с «национальной идентичностью» признается отдельной, значимой задачей государственной политики и является важным элементом политической повестки.

Работа по «изобретению» или «открытию» «национальных идентичностей» ведется даже там, где на первый взгляд о какой-либо «нации», в ее традиционном понимании (Uberoi, 2015), не может идти и речи; где-то такая работа осуществляется преимущественно официальными структурами, где-то, напротив, оппозиционными движениями и маргинальными сообществами. Тем не менее в условиях, когда ценности, убеждения и модели человеческого поведения, основополагающие для государственных систем, оказываются изменчивыми и непостоянными¹, у правительства остается все меньше возможностей для того, чтобы доминировать в публичной сфере и контролировать общественное развитие. Поэтому часто — особенно в случае «возвращения этатизма» — они вынуждены прибегать к различным идеально-дискурсивным ресурсам «исторической памяти» и «символической политики», которые, как предполагается, могут помочь сохранить контроль над поведением большинства участников политического процесса и представлениями граждан о том, что их объединяет. «Национальную идентичность» в данном случае мы определяем как *клишированный элемент публичного дискурса, обращение к которому подразумевает наличие политической ассоциации, базирующуюся на чувстве принадлежности к «нации» и на проистекающей из этого чувства общности ценностей, убеждений и моделей поведения*². Мы полагаем, что ее «популярность» совсем не противоречит ограниченности государственных возможностей по формированию политических ассоциаций.

Консолидационный потенциал «национальной идентичности» — как показывают исследования «политики идентичности» (Попова, 2016, 2018; Ачкасов, 2013; Малинова, 2005) и как будет продемонстрировано далее — нередко используется для социально-политической мобилизации и для легитимации политических курсов; в этом отношении ее популярность несомненна, более того, можно кон-

1. Характерно, что причиной таких изменений могут являться как процессы глобализации и связанные с ними неолиберальные реформы, так и обратные им тренды «локализации» и «консервативного поворота».

2. В представленном «дискурсивно-конструктивистском» определении «национальной идентичности» мы основываемся на следующих работах и подходах: «историографический» обзор дискурса «национальной идентичности» (Mandler, 2006), дискурсивный анализ наций и национализма (Lane Bruner, 2005) и критика «мягкого конструктивизма» в исследовании идентичностей (Brubaker, Cooper, 2000).

сттирировать, что с каждым новым кризисом глобализации она лишь увеличивается. Предваряя нашу оценку подобного подхода к государственной политике, по сути претендующего на управление идентификациями участников политического процесса (Филимонов, 2017), заметим, что хотя использование консолидационного потенциала «национальной идентичности» и не лучшим образом сказывается на расходах государственного бюджета, этот ресурс интеллектуальной экспансии этатизма в публичной сфере все еще продолжает оставаться предпочтительным — в силу устойчивой, хотя и необоснованной веры в его «восполнимость»³. Политики, инициирующие тематизацию «национальной идентичности» в публичной сфере, часто убеждены в том, что использование этого клише может автоматически повлиять на развитие политического процесса: начиная от возможности сформировать комплекс впечатлений о государстве, вышедшем на «уровень европейского правового поля» и способном «сохранить разнообразие межэтнических отношений» (Михайлов, 2016), и заканчивая созданием структур, ответственных за соответствующую политику и чаще всего принимающих форму некоей «временной президентской комиссии по выработке и утверждению идентичности» (Kremlin.ru, 2016), получающей под этим благовидным предлогом, статус и ресурсы на реализацию определенного курса.

Можно, конечно, сменить угол зрения и наблюдать другой аспект развития политического процесса, а именно — ту его часть, которая относится к повседневной активности граждан, не включенных в непосредственное принятие решений и работу государственных систем. Можно даже предположить, что поиски «национальной идентичности» могут базироваться и на реально существующем социальном запросе, а не только на волонтеристском решении отдельных политиков. Действительно, «прогрессистские шоки», связанные с «глобализацией» (Olivier et al., 2008; Roudometof, 2016) или реформами по модернизации национальной экономики (Заостровцев, 2018), затрагивают интересы не только истеблишмента, но и граждан, заставляя их искать инструменты и ресурсы не только для личной занятости и поддержания собственного благосостояния, но и для консолидации и борьбы за свои интересы. Некоторые исследователи в связи с этим предлагают рассматривать политику идентичности как *публичную политику* (Семененко, 2016).

Однако зачастую ситуация складывается таким образом, что в государственных системах, переживающих политическую трансформацию, принятие решений по вопросам социально-политического развития люди предпочитают делегировать «профессиональным» агентам. Это происходит по разным причинам: как из-за дефицита ресурсов для политической вовлеченности, так и в силу устоявшихся

3. В этом мы солидарны с позицией Ю. Хабермаса, который не склонен позитивно оценивать настичивые попытки политических администраторов эксплуатировать культуру и традиции для разрешения политических кризисов (Хабермас, 2010: 43).

убеждений⁴. Например, в России сегодня, по данным социологических исследований, подавляющее большинство граждан не считает себя ответственными за происходящее в стране (Левада-Центр, 2016) — подобная «безответственность» естественно предполагает, что ответственность и дискреционные полномочия переходят к некоторому стороннему игроку, и в российских условиях этим игроком становится хорошо знакомый «Левиафан» государства. В восточноевропейских странах, таких как Польша или Венгрия, граждане охотно поддерживают право-консервативных популистов, которые обещают «решить проблему мигрантов», «побороть тиранию Брюсселя» или «восстановить чувство национального достоинства» (Bennike, Veilmark, 2016) — конечно, без уточнений и конкретизации того, как именно эта цель будет достигнута.

Неопределенность статуса агентов, «ответственных» за «политику идентичности», лишь усиливается в условиях, когда для многих «национальная идентичность» отождествляется с лояльностью государству — т. е. ассоциативные связи граждан с «нацией» воспринимаются как патриотизированная форма государственной легитимности. В данной ситуации Р. Брубейкер, призывающий разделять понятие «нации» и сразу два понятия «национальности» — 1) как институционализированного политического порядка, *nationhood*, и 2) как условного явления, *nationness*, — отмечает, что в современном мире существование нации не является необходимостью для национализма, поскольку «нация» нередко закреплена за государством (Brubaker, 1996). В ряде случаев «нация считается соположенной государству, она воспринимается как институционально и территориально оформленная государством», — пишет Брубейкер (Брубейкер, 2010: 102); ему вторит В. С. Малахов, подчеркивающий, что минимум одно из наиболее распространенных значений «национализма» как такого и представляет собой «идеологию становления государства... идеиное обеспечение процесса „собирания“ государства» (Малахов, 2005: 16–17). В свою очередь, С. Диннен прямо указывает, что процессы государственного и национального строительства, по сути различные, тем не менее представляют собой «двуединую черту современных национальных государств (nation-states)» (Dinnen, 2007: 2), а Р. Утц замечает, что некоторые авторы хотя и различают эти два процесса, но тем не менее рассматривают «национальное строительство» как термин, в политическом дискурсе эквивалентный тому, что в академических дискуссиях называется «государственным строительством» (von Bogdadny et al., 2005: 581). А. И. Миллер (Миллер, 2017б), Х. Линц, А. Степан и Й. Ядав (Stepan, Linz, Yadav, 2010) также указывают, что наряду с «национальным

4. Именно поэтому вызывают сомнение попытки рассматривать политику идентичности, руководствуясь аналитической моделью *публичной политики*. И хотя в рамках данной статьи, по итогам анализа политики «национальной идентичности», мы также констатируем необходимость большей вовлеченности граждан в процессы принятия решений, это не отменяет ситуации, когда ценность модели публичной политики снижается в условиях очередного цикла экспансии государства в публичную сферу, а также в условиях «демократического дефицита» и кризиса управляемости, из него проистекающего. Подробнее эту парадоксальную для государственных систем ситуацию разбирает в своей работе Стейн Ринген (Ринген, 2016).

государством» (nation-state) может существовать противоположная форма социальной интеграции, в которой своеобразная «генеалогическая» связь государства и нации имеет обратную полярность: в условиях «государства-нации» (state-nation) первая часть порождает вторую, а не нация «творит» государство. «Целью политики в нации-государстве является утверждение единой, мощной идентичности сообщества как членов нации и граждан государства. Для этого государство проводит гомогенизирующую ассимиляторскую политику в области образования, культуры и языка», — пишет Миллер (Миллер, 2017б), вызывая тем самым критику оппонентов, в частности В. А. Тишкова (Тишков, 2007).

Стоит отметить, что в обсуждении «национальной идентичности» необходимо принимать во внимание все отмеченные выше траектории, поскольку на конкретном этапе развития политического процесса она может являться как продуктом национального движения и различных «политик идентичности» (см. украинский проект конца XIX — начала XX века или басконскую идентичность, де-факто «сформулированную» С. Араной (Хенкин, 2013)), так и конструкцией, чье функционирование инициируется бюрократическим аппаратом и государственными структурами (как в разбираемых А. Степаном примерах Индии, Испании или Бельгии (Stepan, 2008)).

Таким образом, неопределенность, присутствующая в теории и практике формирования «национальной идентичности», заставляет нас более пристально рассмотреть вопросы о статусах основных участников этого процесса, и особое внимание в рамках нашего анализа мы уделим государству, его роли и возможностям в соответствующей политике. Мы начнем с анализа того, какое отношение имеют правительства и их бюрократические аппараты к формированию и использованию потенциала «национальной идентичности» (1), и, попутно рассматривая текущую ситуацию, в которой государство наряду с другими участниками политического процесса стремится быть доминирующим агентом (2), попытаемся ответить на вопрос, насколько успешным может быть подобное доминирование в деле формирования «национальной идентичности», прежде всего, на примере современной России (3).

Нация в руках государства

«Государство и нация — это не два социальных субъекта, а один. Современное государство не существует без нации, нет и современной нации без государства», — писал в 2001 г. В. Б. Пастухов (Пастухов, 2000), и это замечание лучше всего отражает то состояние, в котором оказались два этих социально-политических феномена к началу XXI века. Несмотря на социологические исследования «микронаций» (Bonnett, 2018) и весьма многочисленные примеры «наций без государства» (курды, палестинцы, баски, тибетцы, уйгуры и т. д.), большинство теоретиков и лиц, принимающих решения, убеждены в том, что «государство» и «нация» просто обречены быть соседями и дополнять друг друга. Безусловно,

это связано с тем резким разрастанием и усилением государства, которое произошло в XX веке. Как вслед за Дж. Скоттом (Scott, 2009) отмечает Н. Силаев, именно в предыдущем столетии происходит «возникновение современных национальных демократических государств, обладающих... властью как способностью править, «прорастая» сквозь общество, регулировать все больше сфер жизни, вытесняя иные регуляторные механизмы» (Силаев, 2014: 153). Я.-В. Мюллер указывает, что Первая мировая война потребовала «беспрецедентного усиления государственной власти» (Мюллер, 2013: 37) — и по ее окончании это усиление отнюдь не повернулось вспять; более того, национальное государство, явившееся на свет как норма, требовало безусловного признания своего суверенитета и новой «деспотической власти» (Мюллер, 2013: 83). Этот рожденный из пепла колосс более не ограничивался одной лишь бюрократией или хозяйственным регулированием — его интересовали и массовая культура, и система просвещения, и переустройство природы, и даже изменение природы человека (как минимум его сознания и нравов). Представления людей о природе «общественного» и возможных ассоциациях между индивидами не могли не стать объектом вмешательства (и даже вторжения) государства — более того, инкорпорирование граждан и переключение фокуса их внимания на новые формы такой ассоциации стало ключевыми задачами послевоенного времени. «Национализм в конечном итоге был определен... как течение, стремящееся соединить культуру и государство, обеспечить культуру своей собственной политической крышей, и при этом не более чем одной», — пишет Э. Геллер, — современное индустриальное государство может функционировать только при участии мобильного, грамотного, культурно-унифицированного, взаимозаменяемого населения» (Геллер, 1991). Новое государство нуждалось в новом населении, чьи представления о себе и своем месте в мире будут опираться уже не на локальные особенности, не на этническую и религиозную принадлежность, а на лояльность государственному аппарату.

В этом, однако, заключалась и определенная проблема. Актуализация своеобразного «казенного чувства», заменяющего привычные идентификации, представляется задачей куда более сложной, чем внедрение единых метрологических систем, — но, как замечает Дж. Скотт, даже внедрение унифицированных измерений наподобие метра или килограмма порой встречало серьезное сопротивление со стороны общества, требуя дополнительных ресурсов и дополнительного времени (Скотт, 2005). Тем более непросто было бы предлагать гражданам такую картину мира, где исторический, ценностный и нравственный аспекты общественной жизни сводятся к одному только *расположению* относительно государства. Р. Брубейкер и Ф. Купер указывают, что «государство является важным „идентификатором“ не потому, что создает „идентичности“ в „сильном“ значении — в общем, оно этого делать не может, — но потому, что у него имеются материальные и символические ресурсы, чтобы навязать категории и классификационные схемы...» (Брубейкер, 2010: 152).

Таким образом, самую идею «нации» и «национализма» вполне можно рассматривать в контексте формирования идентичности, которая, с одной стороны, соответствовала бы масштабу новых сообществ, далеко превосходящих прежние феодальные образования (или ограничивавших группы верующих сообразно зоне контроля светских властей), а с другой — формулировала бы в понятных и психологически комфортных рамках идею объединения людей, крайне непохожих друг на друга. В теоретической перспективе это удачно выразили Э. Кедури, полагавший национализм доктриной, признающей необходимость организации людей внутри реальности национального государства (Кедури, 2010), и Э. Геллнер, замечавший, что «национализм является выражением объективной потребности в однородности» и «проявляется только в среде, где государство уже воспринимается как нечто само собой разумеющееся» в тот момент, когда «раздробленная система аграрных обществ... заменяется новым типом Вавилона» (Геллнер, 1991); в характерно прикладном отношении на связь национальной идентичности с государственным строительством намекает знаменитый афоризм Д'Адзельо: «Италию мы создали, осталось создать итальянцев» (Gigante, 2011).

Сказанное позволяет частично нивелировать ту дивергенцию, которая присутствует в исследованиях национализма и национальной идентичности со времен Ф. Майнеке, указавшего на различие *Kulturnation* («нации, основанной на культурном наследии») и *Staatsnation* («базируется преимущественно на объединяющей силе общей политической истории и конституции») (Meinecke, 1962). Ведь ни «культурное наследие», ни «общая политическая история» не имеют автономной субъектности — и то и другое с очевидностью нуждается в носителях и интерпретаторах, *res incorporales*, которые формировали бы содержание упомянутых категорий и придавали бы им естественный, «псевдонародный» характер (May, McGill, 2014). Безусловно, объективное существование безгосударственных наций позволяет предположить, что в ряде случаев национальная культура и соответствующие ей модели идентификации могут быть созданы до, а не после формирования государственных институтов — однако даже в этом случае мотив политического конструирования нации никуда не исчезает, как и стремление *founding fathers* к ее государственному оформлению (с последующим неминуемым перевоплощением).

Таким образом, «национальная идентичность» многим обязана государству, в том числе своим нынешним привычным пониманием. Но значит ли это, что она остается в его руках — и по-прежнему зависит от воли правительенных или законодательных институтов? Как бы того ни хотелось некоторым государственным деятелям, ответ на данный вопрос не будет однозначно положительным: в истории можно найти слишком много примеров того, как национальные мотивы выходили из-под контроля официальных структур.

Именно по причине зрелости «нации» и ее авторитета, «государство» — в лице правительства, бюрократического аппарата и лиц, принимающих решения, — чаще всего не способно ее контролировать. Государству не дано предугадать, как любой шаг его могущественных «идеологических аппаратов» (Альтюссер, 2011) от-

зовется в общественной жизни, и какую бурю пожнет тот, кто сеет ветер национализма. Ведь упомянутая выше способность к «навязыванию» отнюдь не означает устойчивости, а способность задействовать в «производстве идентичности» разрозненные, разнорядковые и подчас противоречащие друг другу традиции не означает результативности этих усилий, часто впечатляющих лишь на бумаге.

Д. Ливен показывает, к примеру, как националистический курс погубил сразу несколько могущественных империй, став одним из источников постоянного социального напряжения (Ливен, 2010: 301–304), хотя поначалу представлялся очевидным решением некоторых социально-политических проблем; О. Яси, оставаясь в рамках той же оптики, в работе «Распад Габсбургской монархии» описал, как пробужденные ради сохранения Австро-Венгрии локальные национализмы в конечном счете погубили ее, став одним из мощнейших центробежных факторов в развитии этого государства (Яси, 2011). Можно вспомнить и более современные примеры того, как на постсоветском пространстве национальные мотивы становились поводом для продолжительных конфликтов и войн (Большаков, 2008), равно как и для многочисленных и далеко не всегда удачных реформ, доктрин и стратегий.

При этом, однако, и для политического истеблишмента, и для значительного числа обывателей категории «национального» и «государственного» нередко объединяются в нечто общее или даже воспринимаются как синонимы. Связь даже не государства в целом, а конкретного политического режима с общенациональными интересами порой представляется и презентуется настолько естественной, что даже для поддержки своего воспроизведения режим охотно пользуется аргументами «внутреннего суверенитета», а правом обозначения «национальных интересов» во внешней политике не обладает никто, кроме специально «уполномоченных» структур. Никто, кроме государства, — подчеркивают ангажированные интеллектуалы, — не может задавать ориентиры национальной идентичности; для подтверждения этой позиции актуализируется огромное множество [псевдо]мифов и манипулятивных приемов (Поздняков, 1994, 1995).

Небезынтересным случаем такого рода позиции является доминирующая интерпретация отечественной истории, в которой именно государство выполняет по отношению к социальному пространству роль единственного «гласного»; и даже если оно лишается монополии на выражение общего мнения, то, по крайней мере, сохраняет за собой право носителя мнения «правильного». Б. С. Новосельцев справедливо указывает, что еще в XIV веке «на роль центра собирания русских земель претендовало несколько государственных образований» (Новосельцев, 2018) и теоретически возможными представлялись разные траектории развития страны и общества; однако победа в этом конкурсе политических амбиций централизованного Московского государства ознаменовала собой его торжество не только над политическими соперниками, но и над собственным населением, надолго лишившимся возможностей децентрализации, развития «регионального интереса» (Туровский, 2005), и той минимальной степени плюрализма, которая присутство-

вала в британской «конкурирующей олигархии» или в континентальных институтах сословного представительства по испанскому или французскому образцу.

Резюмируя обзор возможностей государства в процессе формирования «национальной идентичности», а также способностей правительства обеспечивать консолидацию участников политического процесса — апеллируя на деле лишь к риторике «национального», — мы можем присоединиться к ранее упомянутым авторам, выражающим сомнение в эффективности и результативности политик, базирующихся на оппортунистической эксплуатации культурных традиций (Хабермас, 2010) и на сомнительных способностях к использованию ресурсов легитимности (Ринген, 2016). В данном случае можно лишь подчеркнуть обоснованность этих сомнений — несколькими наблюдениями того, как реализуется политика формирования «национальной идентичности».

Во-первых, отметим, что практически нигде правительство не оказалось в состоянии создать принципиально новую модель идентификации, оторванную от ранее сложившейся мифологии и стереотипизации, — причем далеко не всегда «национального» плана. Пантеон национальных героев практически всегда включает исторические фигуры, которые никак не соотносили себя с «нацией», будь то Арминий, Пересвет или Эль Сид⁵; более того, национализм охотно адаптирует и другие формы «примордиальной» культуры, такие как религиозные культуры, языковые отличия и даже унаследованные от предшествующих исторических периодов границы, которые могут отнюдь не совпадать с языковыми ареалами и расселением этносов. Что отличает сербский язык от хорватского? Как религиозные взгляды бошняков влияют на их идентичность? Эти вопросы, интересные и сами по себе, приобретают особое звучание в контексте их использования государственным аппаратом соответствующих стран. Даже Советский Союз, который некоторые авторы характеризовали как радикальный тоталитаризм (Almond, Powell, 1966: 217), не смог завершить проект создания нового «воображаемого сообщества» — советского народа — без возвращения к ранее отвергнутым фигурам имперской истории, например, таким как Петр I или М. И. Кутузов (хотя на заре советской государственности именно это он и пытался сделать) (Лебина, 2016; Martin, 2001; Bukharin, Preobrazhenskiy, 1920). Обращаясь к творческому наследию Р. Якобсона и Э. Хобсбаума, мы могли бы охарактеризовать подобные неудачные попытки в лучшем случае как «афазийные» (Ушакин, 2009) и «условно связанные с действительностью или фактами прошлого» (Hobsbawm, Ranger, 1983). По всей видимости, главная причина подобного положения — явная переоценка значимости административного вмешательства в общественную жизнь; как отмечает Дж. Скотт, «чем более схематичен, неадекватен и упрощен формальный порядок, тем он менее гибок и более уязвим по отношению к любому возмущению вне его узких

5. См., например, работы Э. Хобсбаума: «...открытие народной традиции и ее превращение в «национальную традицию» какого-нибудь забытого историей крестьянского народа почти всегда было делом энтузиастов, принадлежавших к (иностранному) правящему классу или образованной элите...» (Хобсбаум, 1988: 165–166).

параметров» (Скотт, 2005) — а в Новое и Новейшее время «неоднократно приходилось наблюдать в природе и обществе провалы неадекватных и стереотипных упрощений, навязанных государственной властью» (Скотт, 2005).

В политической теории (как, вероятно, и на практике) принято считать, что возможности государства в воспитательной и образовательной сфере крайне широки и соответствующие социальные системы воспитания, образования и науки представляются довольно удачным дополнением к административному аппарату правительства. Так, например, Л. Альтюссер напрямую относил систему просвещения к идеологическим аппаратам государства (Альтюссер, 2011), а саксонский географ О. Пешель говорил, что победа Пруссии в войне с Австрией — победа прусского учителя над австрийским. Однако наличествующий опыт программ по навязываемой государством «политике памяти» заставляет сомневаться в том, что историческим процессом возможно управлять одним лишь написанием школьных учебников. Так называемая «фолк-хистори» (folk history) на деле нередко оказывается куда более жизнеспособной, чем патронируемые государством трактовки, а широко внедряемые, например, в современной России праздники — от Дня народного единства (4 ноября) до Дня семьи, любви и верности (8 июля) — практически не привлекают общественного внимания. Даже социалистическая Югославия при всей пассионарности своего лидера И. Б. Тито не смогла «вообразить» единое общество, устойчиво воспроизводящее новые национальные ориентиры; и, напротив, Веймарская республика так и не смогла избавиться от *Dolchstoßlegende*, конспирологической теории «удара в спину», согласно которой Германия проиграла Первую мировую лишь в результате внутренней «глупости или измены» (Diest, Feuchtwanger, 1996).

Ярким примером недостаточности одних лишь государственных усилий по реформированию образовательной политики является уже упоминавшийся советский опыт: все политические противоречия 1920–1930-х гг. постепенно начинали влиять и на историографию, и на преподавание истории. «Пора перейти к ознакомлению с историей человека большими мазками, — писал видный революционер Ю. Ларин, — подробности надо оставить для любителей, найдется достаточно охотников читать исторические книжки в свободное время» (Ларин, 1924: 83–84)⁶. Уже в середине 1930-х такой нигилистический подход, впрочем, власти вынуждены были отвергнуть, поскольку строить новое общество в чистом поле оказалось несколько труднее, чем могло показаться у стен Зимнего дворца. Историк В. Б. Кобрин вспоминает характерное выражение академика С. Б. Веселовского: «Вот были люди, которые говорили, что они марксисты, и утверждали, что в прошлом России ничего хорошего не было. Потом пришли другие люди и тоже называют себя марксистами, и говорят, что в прошлом в России все было прекрасно. Так если сами марксисты не могут понять, в чем марксизм, что же делать нам, немарксистам?»

6. Еще более характерные цитаты и высказывания можно найти в обзорной работе Ю. В. Кривошеева и А. Ю. Дворниченко, посвященной этому периоду и обладающей характерным названием «Изгнание науки» (Кривошеев, Дворниченко, 1994).

(Кобрин, 1992: 171). Как указывает М. М. Бадретдинова, долговременная дискуссия вокруг школьного исторического образования завершилась лишь в 1934 году приятием Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» (Бадретдинова, 2005), в котором указывалось на необходимость «соблюдения историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением в памяти учащихся важных исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат» (Совет народных комиссаров СССР, 1934) — притом что в начале 1920-х гг. речь шла о том, чтобы пересмотреть «программы школы под углом зрения идеологии пролетариата, выбросить из них все то, что не нужно рабочим и крестьянам, не нужно потому, что ничем не поможет им лучше организовать жизнь, сделать ее счастливее, полнее, не научит понять, что и как надо делать в данный момент» (Крупская, 2014: 67).

Вторым обстоятельством, препятствующим покорному сползанию «национального» в руки государственных деятелей, является сам характер государственной политики в этой области. Правительственные программы поражают формализмом, однобокостью и редукционизмом, проявляющимися повсеместно: от ценностного содержания программ до их инструментария, механизмов реализации и критериев, по которым оценивается эффективность их реализации. Так, в отечественной Стратегии национальной политики до 2025 года конкретные инициативы вряд ли можно охарактеризовать как напрямую связанные с национальной идентичностью, определяемой, сверх прочего, через выражения «единый культурный (цивилизационный) код» и «сохранение русской культурной доминанты» (Президент РФ, 2012), а программы поддержки так называемых «малых народов» привлекают куда больше внимания профильных ведомств, чем вопросы самоидентификации большей части граждан; при этом критерии оценки Стратегии чаще всего выглядят как «увеличение количества мероприятий» или «число участников Северо-Кавказского молодежного форума „Машук“». Нередко стратегические идеи такого рода оказываются не более чем спекуляцией, направленной на рост рейтинга посредством полемических средств, или попросту пространными декларациями по острой теме; с этим согласен, к примеру, международник Дж. Франкель, указывающий, что те же «национальные интересы» нередко становятся инструментом оправдания и легитимации текущей внешней политики (Frankel, 1970: 30–35), какой бы волонтиристской и субъективной она ни была.

Приходится констатировать, что в большинстве случаев государственные инициативы, посвященные национальной идентичности, оказываются в лучшем случае плацдармом для ожесточенных дискуссий и столкновений с действующей оппозицией; нельзя сказать, что подобные начинания совсем уж бесполезны для общественного развития, однако они совершенно точно слабо связаны с изначально объявляемыми государством целями. ГДР, Югославия, Сомали, Конго, Ливия — во всех этих, безусловно, отличающихся случаях общей характеристикой государственного распада были дефекты национальной политики и неуместный

«оптимизм» нормативных документов, ей посвященных (в случае, если таковые документы, конечно, существовали).

Так, В. С. Дубина отмечает, что «господствовавшая в Восточной Германии реальная политическая культура имела мало общего с официальной идеологией» (Дубина, 2009); по опросам 1968 года, при всем возможном искажении за счет конформных ответов респондентов, 42% опрошенных в ГДР называли своим отечеством «всю Германию», а не только Германскую Демократическую Республику (Niemann, 1993: 310; Staab, 1997), а к 1990 году соответствующая доля выросла до 66% (притом что «прежде всего восточными немцами» себя в 1990 году считало 28% опрошенных) (Yoder, 1999). Справедливости ради можно отметить, что, согласно цифрам все той же Дж. Йодер, уже через 5 лет ситуация изменилась радикальнейшим образом, однако и это может быть связано с провалами немецкой государственной политики в части интеграции Восточной Германии и построения единого немецкого общества без учета сложившихся обстоятельств повседневности (Hogwood, 2000). В Югославии ситуация с национальным проектом была еще более драматичной: в 1961 году как «югославов» себя определяли 1,7% (!) опрошенных, в 1981 году этот процент вырос аж до 5,4% (Mrden, 2002), а в 1991 году, перед самым распадом страны, «югославская» идентичность была ключевой для 6,6% населения (Andrew, 2011). Этот уровень можно с полной уверенностью определить как неприемлемо низкий, и, несмотря на то что к распаду Югославии привел еще и тяжелый экономический кризис, нельзя исключать из рассмотрения и этнонациональные факторы дезинтеграции.

И в-третьих, стоит заметить, что сегодня все больше дискуссий вызывает способность государства в одиночку продвигать целостные программы социально-экономического реформирования и модернизации. Строго говоря, реализация какой бы то ни было политики требует вовлечения более широкого, чем собственно органы государственной власти, круга агентов и, соответственно, учета их интересов. В некоторых случаях даже масштабные государственные вложения могут приводить к негативным эффектам наподобие пузырей и спекуляций с портфельными инвестициями⁷. Программы в области политики «национальной идентичности» — не исключение, а скорее еще более показательный пример. Даже не касаясь совершенно монструозных формулировок Стратегии национальной политики («Благодаря объединяющей роли русского народа, многовековому межэтническому взаимодействию на исторической территории Российской государства сформировалась духовная общность различных народов... [которую] объединяет

7. Российская Счетная палата каждый год обнаруживает значительные проблемы с эффективностью освоения бюджетных средств: в 2016 году общий объем «частично устранимых нарушений» составил порядка 700 млрд рублей (ТАСС, 2017) — это больше, чем все бюджетное финансирование здравоохранения в том же году (Чернова, 2016). По поводу отдельных государственных программ, таких, например, как создание особых экономических зон (воспринимаемое как одна из главных надежд на модернизацию экономики), вердикт контрольных органов еще жестче: ни финансовые показатели, ни результативность немалых государственных инвестиций и затрат в части создания ОЭЗ и рабочих мест не выдерживают критики (Счетная палата, 2016).

основанный на сохранении историко-культурного наследия всех народов России единый культурный (цивилизационный) код» (Президент РФ, 2012)), можно заметить, что конкретные инициативы в области ее реализации характеризуются удивительными ориентирами. По программе переселения соотечественников в Россию приезжает едва ли четверть ожидаемого потока репатриантов (Трифонова, 2018), а бюрократическая волокита, сопровождающая ее, вызвала критические замечания даже со стороны президента РФ В. В. Путина (Путин, 2012). Целевые индикаторы другой государственной программы, «Реализация государственной национальной политики», — абсолютное количество проведенных в ее рамках мероприятий или рост «доли граждан, подтверждающих отсутствие в свой адрес дискриминации». Подпрограмму «Общероссийская гражданская идентичность и этнокультурное развитие народов России» предлагается оценивать по «количеству участников мероприятий, направленных на укрепление общероссийского гражданского единства» и «численности участников мероприятий, направленных на этнокультурное развитие народов России» (Правительство РФ, 2016).

Столь выраженный формализм, отличающий государственный подход к «национальной идентичности», заслуживает пристального внимания экспертов. Он позволяет сделать выводы о сложностях, которые испытывают государства, колонизирующие публичную сферу (Сморгунов, 2012) и претендующие на роль ведущих агентов политического процесса. Отвечая на один из ключевых вопросов этой статьи — об успешности этой стратегии доминирования, избранной современными государствами для политической консолидации, — мы можем лишь повторить тезис о сомнительном характере подобного предприятия, добавив, что именно эта траектория развития ведет к ситуации, в которой «нация» ускользает от государства, и что такая стратегия совершенно точно не является валидной и работоспособной⁸.

Deus ex machina: «дело государево и земское»

В разрешении этой сложной ситуации, во многом вызванной претензией «национального государства» на «управляемость», отправной точкой могла бы стать политика, поощряющая расширение круга агентов политического процесса, влияющих на принятие государственных решений. Подобный подход, разумеется, далеко не революционная новелла и в социальных исследованиях, и в политической практике — практически в любом учебном пособии можно встретить упоминание того, что в разрешении проблем государственного управления происходит неминуемое обращение как минимум к коллективным ресурсам (Дегтярев,

8. Не вдаваясь в детальный разбор этого аспекта темы, отметим лишь, что описанный подход большинства современных правительств, в том числе российского, к политике «национальной идентичности» чаще всего базируется на модели New Public Management, которую, по оценкам ряда экспертов, уже давно, в силу ряда причин, следовало бы «вывести из оборота» (Куприяшин, 2018). Подробнее о современных подходах к «администрированию» гражданского участия можно прочитать в отдельных исследовательских обзорах (Yang, 2016).

2004). Стандарты популярной сегодня концепции «качественного управления» (Good Governance) (ESCAP, 2009), развивая линию вовлечения общества в принятие решений, требуют от государственной деятельности не только прозрачности (transparency) и подотчетности (accountability), но и непосредственного участия (participation) граждан на основе оперативности (responsiveness) управленческих структур и ориентации последних на консенсус (consensus orientation). Впрочем, и за пределами представлений о good governance такие авторы, как, например, Д. Аджемоглу, Дж. Робинсон и Р. Торвик, указывают на значимость взаимодействия государства с общественными силами (Acemoglu et al., 2016); весьма иронично комментирует такой контакт Д. Слейтер: «Специалисты по Европе обычно боятся хищных государственных элит, которые пытаются поглотить общество, тогда как специалисты по Азии, как правило, боятся хищной общественной элиты, которая пытается поглотить государство» (Слейтер, 2016). Российское общество, вопреки распространенным представлениям, также не оставалось в стороне от подобных отношений: в подтверждение здесь можно привести вечевые или соборные практики и распространность на Руси XVI века выражения «дело государево и земское» (Кром, 2018).

Поэтому вполне естественно, что на нормативном уровне политика «национальной идентичности» подразумевает вовлечение общественных структур в орбиту государственных решений. Так, Стратегия национальной политики, действующая в Российской Федерации, указывает, что ее цели «достигаются совместными действиями общества и государства» через «объединение усилий государственных и муниципальных органов и институтов гражданского общества» (Президент РФ, 2012). В этом и других документах под такими институтами понимаются средства массовой информации, религиозные организации, политические партии, образовательные и научные учреждения, диаспоры и этнонациональные объединения (вплоть до землячеств), а также экспертные ассоциации и «фабрики мысли».

Все перечисленные субъекты, безусловно, могут играть значимую роль в процессе формулирования и реализации государственной политики, в т. ч. и в области «национального». Проблема заключается лишь в том, как эта «возможность» конвертируется в имеющиеся механизмы принятия соответствующих решений. К сожалению, формальное подчеркивание «вовлечения институтов гражданского общества» вовсе не означает реализации этого светлого намерения на практике.

С теоретической точки зрения негосударственные субъекты могут действовать в рамках минимум двух возможных стратегий. С одной стороны, они могут «подхватывать» инициативы органов государственной власти, становясь ее проводниками, интерпретаторами и реализаторами; с другой — негосударственные структуры и организации могут заполнять своими действиями те «ниши», где правительственные решения и нормативные начинания неэффективны и неизнеспособны (с вероятностью того, что действия негосударственных акторов могут не поддерживать, а, напротив, противодействовать вектору государствен-

ной политики). Вполне вероятно, что вовлечение внешних по отношению к государственной политике игроков будет связано с удовлетворением их собственных интересов и достижением собственной выгоды, как у «политических предпринимателей» в концепции Дж. Кингдона (Kingdon, 1984); возможная в таком случае этическая критика (наподобие обвинений в преследовании «частных», а не «общественных» интересов) не должна подменять рационального рассмотрения подобной активности с точки зрения решения общественных проблем и роста общественного же блага. Возможно, что с обычательской точки зрения участвовать в государственном управлении могут только те акторы, которые с упорным постоянством «выстреливают» высокими нравственными императивами; однако даже в этом случае придется признать, что такие комиссивы (Серль, 1986) вовсе не тождественны эффективному решению общественных проблем.

На практике такие акторы, как, например, академическое сообщество и общественные организации, могут помогать органам государственной власти не только определять конфигурацию национальной политики в части ее отдельных положений или валидных инструментов, но и формировать такой образовательный стандарт, который способствовал бы продвижению и распространению национальной идентичности и ее составляющих, корректируя, тем самым, политическую культуру и воспитывая новые поколения граждан (в т. ч. будущих государственных служащих) в «национально ориентированном» ключе. Вместе с тем те же структуры могут критиковать отдельные положения представляемого в публичном пространстве официального «национального» дискурса, и последствия такого решения будут амбивалентны: с одной стороны, они будут ослаблять текущую, «деспотическую» (Mann, 1984) конфигурацию механизмов идентичности, а с другой — обозначая болевые точки последней, будут не только выявлять слабые места, но и предлагать возможные направления динамической ревизии идентичности и ее адаптивной стабилизации. На недопустимый разрыв между академическими исследованиями и нормативными практиками строительства российской нации уже много лет указывают Е. Иванов (Иванов, 2006), А. И. Соловьев (Соловьев, 2019) и В. А. Тишков (Тишков, 2003); получающийся в итоге результат одностороннего «национального строительства» оказывается нежизнеспособной абстракцией,зывающей, сверх прочего, раздражение различных политических сил.

СМИ — государственные и негосударственные — могут более эффективно конвертировать политические декларации и нормативные акты в понятные и позитивно воспринимаемые референтными аудиториями решения, а также расширять пространство обсуждения положений и оснований национальной идентичности до пределов всего публичного дискурса, тем самым совершенствуя и «шлифуя» обсуждение этой идентичности и внедряя ее элементов. В том числе и по этой причине траты государственных бюджетов на информационную политику достаточно велики⁹ — и, к слову, существенно больше, чем затраты по государственной

9. Так, в России одно только финансирование программы «Информационное общество (2011–2020 гг.)» составляет 125 млрд рублей в 2018 г. и по 101 млрд в 2019 и 2020 гг. (Российская газета, 2017), а фе-

программе Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» (за период 2017–2025 гг. — всего 24,3 млрд рублей (Правительство РФ, 2016)), хотя подобная ситуация не является каким-то исключительно российским прецедентом¹⁰. Трудно переоценить и влияние средств массовой информации на распространение политически значимых новостей, формирование доминирующего публичного лексикона и понятийно-категориального аппарата и, наконец, «литературного языка» как одного из фундаментальных элементов всей национальной идентичности: не случайно дискуссия о положении языка в дихотомии «базис vs надстройка» в сталинском СССР вылилась на страницы газеты «Правда», где 4 июня 1950 г. выступил сам Председатель Совета Министров СССР, обличавший «аракчеевский режим и теоретические прорехи в языкоznании» (Сталин, 1950). Язык, таким образом, был и остается главным связующим звеном в теории и практике «политики идентичности», ключевым фактором формирования «национальной идентичности» (Джозеф, 2005: 22) и одним из главных фронтов борьбы за ее создание; и трудно вообразить на этом фронте более влиятельные силы, чем средства массовой информации — как государственные, так и наиболее масштабные из негосударственных.

Частым искушением для государственной национальной политики является привлечение к ее формированию диаспор и этнонациональных сообществ — главными аргументами в пользу этого взаимодействия являются, во-первых, авторитет, которым располагают определенные деятели в пределах таких групп, а во-вторых, сложившаяся система социальных связей, которую чиновники рассчитывают использовать для достижения собственных¹¹ целей. В такой государственной структуре, как Федеральное агентство по делам национальностей, созданной в 2015 году, существует профильный Отдел по взаимодействию с диаспорами, землячествами и некоммерческими организациями (ФАДН, 2019); в состав одного только Московского координационного совета региональных землячеств при Правительстве Москвы входит не менее 90 региональных общественных объединений — землячеств, объединяющих выходцев из регионов Российской Федерации и стран СНГ (Официальный сайт мэра Москвы, 2019). При этом за годы существования

деральные субсидии агентству «Россия Сегодня» и АНО «ТВ-Новости» (телеканал RT, ранее Russia Today) за период 2018–2020 гг. составляют совокупности 75 млрд руб.

10. Так, затраты US Agency for Global Media (Voice of America, Radio Liberty) на одно только международное вещание в 2018 г. составили порядка \$800 млн (US Agency for Global Media, 2019), годовые бюджеты Deutsche Welle и Agence France-Presse составляют не менее €300 млн (Deutsche Welle, 2019; Agence France-Presse, 2019) — цифры, вполне сопоставимые, например, с общеевропейским финансированием миграционной деятельности в рамках Internal Security Fund (ISF) или Asylum, Migration and Integration Fund (AMIF), имеющим куда более непосредственное отношение к вопросам национальной самоидентификации и внутренней политики.

11. Данное прилагательное, безусловно, может резать глаз тем читателям, кто убежден: чиновники и государственные служащие неукоснительно поддерживают нейтралитет и не преследуют в своей трудовой деятельности собственных эгоистических целей; однако работы Дж. Скотта, Э. Де Сото, Ф. Хайека или Д. Гребера убедительно показывают, что это не так (Скотт, 2005; Де Сото, 2008; Хайек, 2006; Гребер, 2016).

подобных структур проблема противостояния и даже противоборства общенациональной идентичности (вне зависимости от того, называть ее «русской» или «российской») и региональной этнонациональной идентичности (прежде всего, в национальных республиках) нисколько не утратила остроты: несмотря на противоречивые социологические данные (Алексеенко и др., 2015), некоторые авторы указывают, что в жизненных ситуациях многие жители, к примеру, Чеченской Республики предпочитают правила шариата или адата в противовес государственному законодательству (Lazarev, 2018). Коллектив авторов во главе с Д. Неттлом указывает, что чрезмерная этнонациональная фрагментация (фракционализация) вредит не только экономическому развитию, но и социально-политической стабильности (Nettle et al., 2007); к такому же выводу приходят и многие другие исследователи, указывающие на высокий риск конфликтов в чересчур разнородной среде (Gerring, Hoffman, Zarecki, 2018). Кроме того, в некоторых случаях диаспоры, землячества и иные этнонациональные сообщества могут выполнять функции самоуправления, противопоставляя себя государственным институтам, а не обеспечивая комплементарное взаимодействие с ними; многие подобные структуры, являясь вполне дееспособными и мощными в части защиты собственных интересов, могут подменять интересы своих членов нуждами «старейшин» сообщества и публично отстаивать архаичные, фундаменталистские и способствующие политическому регрессу цели (Телин, 2016). Справедливости ради отметим возможность обратной ситуации: государство, осуществляя жесткую ассимиляционную политику или принимая дискриминационные решения, может сделать аномические и неассоциированные группы интересов (Almond, 1958) своим принципиальным противником (в т. ч. в вопросе политики идентичности).

В качестве дополнительных примеров «частно-государственного партнерства» в области национальной политики можно назвать и бизнес-структуры (финансово поддерживающие проекты в области культуры или представляющие национальные бренды и отстаивающие национальные интересы за рубежом), религиозные организации (нередко совмещающие общественное влияние с относительной независимостью от правительства) или творческие объединения. Однако более важно другое замечание. Любые взаимодействия, направленные на выстраивание или укоренение определенной национальной идентичности, будут эффективны и результативны лишь в одном случае — если у всех вовлеченных сторон будет наличествовать единое понимание стоящих перед такой деятельностью целей и задач, а также основных категорий, используемых в соответствующем дискурсе. Возможно представить себе диалог крайне правого предпринимателя специфических взглядов, писателя-«имперца» и руководителя федерального ведомства на условном мероприятии в рамках подпрограммы «Общероссийская гражданская идентичность и этнокультурное развитие народов России»; трудно вообразить, что столь разные силы, представляющие принципиально различные позиции в отношении русского народа или российской идентичности, будут занимать консоли-

дированную стратегическую позицию — да еще и в отношении неопределенного предмета.

В ожидании Года

В конечном счете все усилия органов государственной власти и негосударственных субъектов в направлении формирования определенной «национальной» политики и соответствующей «национальной» идентичности в значительной степени сталкиваются с проблемой валидности и уместности использования подобных категорий в прикладном политическом процессе. Для теоретиков и исследователей существование «национального» очевидно уже потому, что этот феномен активно обсуждается и изучается; однако наличие богословских дискуссий — а за одно и кафедр теологии в университетах — вряд ли может рассматриваться как достаточное доказательство существования Бога. Серьезный вопрос заключается именно в том, насколько интеллектуальное пространство «национального» конвертируется в повседневное поведение граждан и насколько соответствующие психологические мотивы, установки и потребности перетекают в рутинные практики коллективного существования и общежития (Billig, 1995)? Что означает «национальная идентичность» для среднестатистического жителя той или иной страны?

Каждая спекулятивность такой постановки вопроса сходит на нет уже в конкретных сюжетах из практики социальной интеграции: выясняется, что многие представители молодого поколения не воспринимают «национальную» принадлежность как значимую переменную повседневной жизни (Fenton, 2007); в некоторых странах, воспринимаемых как образцы сравнительно недавней национальной консолидации, локальная и региональная идентичность сильнее общенациональной (к примеру, в Италии позиционирование себя как «флорентийца» и «тосканца» может быть куда более выраженным, чем «итальянство») (Antonsich, 2015), а сама национальная идентичность в повседневном восприятии людей может распадаться на отдельные самоценные элементы, не всегда сопрягающиеся в единую «национальную» схему. Э. Розенс указывает, например, что в постмодернистскую эпоху большее внимание людей притягивает местная (территориальная), гендерная или этническая идентичность (Roosens, 1989) — а ведь можно упомянуть многочисленные субкультуры, профессиональные сообщества или районы мегаполисов, которые делают палитру современной идентичности еще более пестрой. Примеры крымских татар или турецкой диаспоры в Германии весьма характерно выдают проблему редукционистского восприятия двух этих случаев как противоборства двух национальных идентичностей (российской и украинской — в случае спора о принадлежности Крыма и турецкой и немецкой — в случае Deutsch-Türken). Дополнительную сложность составляет и возможное наличие разных интеллектуальных традиций, объясняющих и раскрывающих категорию «национального», — эта проблема особенно актуальна для России, где до сих пор

переходят от очной к заочной полемике сторонники «российской идентичности», русские националисты и, наконец, сторонники позиции, что «Россия не была, не является и никогда не будет национальным государством» (Миллер, 2017а).

При всем скептическом настрое мы, безусловно, не собираемся утверждать иллюзорность национальных чувств и национальной идентичности как таковых; однако хочется заметить, что в некоторых случаях восприятие их как чего-то само собой разумеющегося и изначально встроенного в ткань общественных отношений ошибочно. Несколько дополняя приведенное ранее определение, «национальную идентичность», вслед за М. Биллигом можно понимать не столько как значимое и независимое социальное явление, представляющее собой обязательный и неотъемлемый элемент мировоззрения человека, сколько как «нисходящую риторическую стратегию, определяющую и конструирующую повседневный мир людей» (Antonsich, 2015) — нисходящую не в смысле «конца национализма», но в смысле определения, данного в начале настоящей статьи, и понимающего национальную идентичность как нуждающийся в актуализации («пробуждении») «клишированный элемент публичного дискурса». «Символическая иллюстрация такого заурядного национализма, — пишет Биллиг, — не страстно колыхающейся в сознании флаг, а флаг, незаметно висящий на общественном здании» (Billig, 1995: 8); далеко не всегда отождествление себя с нацией представляет собой заметный в повседневной жизни человека символический пласт. Риторический же аспект «национальной политики», равно как и размытость существующих инструментов оценки ее эффективности и результативности, приводит к тому, что ключевым становится ее рассмотрение с точки зрения целей, стоящих за инициированием соответствующей политики как *policy*. Почему, несмотря на весьма скромное влияние на процессы повседневной идентификации, различные государства раз за разом запускают очередные масштабные инициативы, связанные с дискурсом «национального»? Можно ли предположить, что ценностные мотивы обладают в данном случае некой особой притягательностью, заставляющей раз за разом обжигаться на невозможности реализовать собственные идеи и замыслы?

Безусловно, такая возможность вполне допустима — за многими государственными решениями, отличающимися как масштабом, так и сферой деятельности, может стоять сугубо идеалистическое целеполагание (в духе федерального закона «Об ответственном обращении с животными») или техническая нейтральность, подчас отождествляемая с функционированием структур исполнительной власти как таковых. Однако упрямое и многократное повторение одних и тех же инициатив, причем в режиме, когда новые государственные программы появляются еще до завершения ранее заявленных (Иноземцев, 2018), наводит на другое предположение: публично декларируемая миссия государственных решений (к примеру, в сфере национальной политики) может резко отличаться от действительных ее триггеров и целей. Исследователи указывают, что, к примеру, в положениях российской Стратегии государственной национальной политики «присутствует терминологическая и смысловая неопределенность» (Мочалов, 2013: 61), а по итогам

проводимых реформ отсутствуют как «общественный резонанс», так и «фиксируемые изменения» (Там же: 78) — притом что за последние годы были не только разработаны сама Стратегия и государственная программа «Реализация государственной национальной политики», но и созданы федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН) и «система мониторинга и раннего предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов» (РИА Новости, 2019). Кто-то называет причиной подобного положения некомпетентность лиц, принимающих решения (Сулакшин, 2008), но если предположить, что посылка о нейтральности и благонамеренности государственных структур неверна, а цепеполагание соответствующей политики ориентировано на освоение имеющегося экономического ресурса, сохранение имеющегося политического режима и увеличение рейтинга конкретных руководителей, механика выработки заведомо малоэффективных политик становится более объяснимой и даже по-своему рациональной.

«Бюрократии редко бывают нейтральными, — пишет Д. Гребер, — они почти всегда подчиняются определенным привилегированным группам или благоприятствуют им больше, чем остальным» (Гребер, 2016), и если коллектив авторов во главе с Ш. Портильо в статье 2019 года показывает, как такое благоприятствование проявляется на этапе рекрутинга служащих (Portillo, Bearfield, Humphrey, 2019), то другие исследователи рассматривают многочисленные механизмы «политизации» (politization) бюрократии (Hustedt, Houlberg Salomonse, 2014). Задолго до Гребера и Портильо на основе эмпирического опыта схожий тезис подчеркивал У. Нисканен, описавший не только стремление бюрократии увеличивать бюджетное финансирование собственной деятельности, но и желание чиновников формально расширять зону собственной ответственности. «Если в течение ряда лет растраты совершенно очевидны, но при этом не вызывают политической реакции, то следует допустить, что эти растраты, по-видимому, служат каким-либо другим политическим целям», — пишет Нисканен (Нисканен, 2004: 555), объясняя, что одной из таких целей может быть расширение дискреционного бюджета, т. е. общема средств, находящегося в распоряжении бюрократической единицы и нуждающегося в соответствующей легитимации (объяснении или даже оправдании)¹².

Типичный пример можно отыскать в одной из ключевых областей современной публичной повестки, привлекающей значительное внимание государствен-

12. А заодно и частично передаваемого «спонсорам» — Нисканен относит к таковым руководителей высших уровней, законодательные органы, контрольные комитеты и пр. Как с позиций общественного интереса можно объяснить решение Правительства РФ обязать всех российских водителей устанавливать на автомобили с шипованым комплектом резины знак «Ш» — притом что действовало оно чуть более полутора лет (с 24 марта 2017 года по 29 ноября 2018 года), а отменено по причине того, что «динамические характеристики движения транспортного средства в значительной мере определяются другими факторами» (Правительство РФ, 2018)? Маловероятно, что за время действия запрета состоялась (и осталась незамеченной) технологическая революция, мигом изменившая характеристики десятков миллионов транспортных средств, — и куда более симптоматично, что руководство Национального антикоррупционного комитета заявило прессе, что в этой истории «следует искать коммерческий интерес» (Белый, 2018).

ных органов, — речь о безопасности. Дефекты имеющегося нормативного регулирования в области безопасности, к примеру, в общественном транспорте, были наглядно продемонстрированы экспериментом петербургского метрополитена, запустившим, в ответ на признание своих станций «не соответствующим требованиям безопасности» (Петербургский метрополитен, 2017) досмотр пассажиров в полном соответствии с Постановлением Правительства РФ от 05.04.2017 № 410 «Об утверждении требований по обеспечению транспортной безопасности, в том числе требований к антитеррористической защищенности объектов метрополитена» (Правительство РФ, 2017). Избежать транспортного коллапса в мегаполисе помогло только решение метрополитена выбрать для такого досмотра станции с низким пассажиропотоком: но и на них практика *work-to-rule* обернулась давкой, очередями и периодическим закрытием станций (Мерзликин, 2017). При этом еще до трагедии апреля 2017 года траты на обеспечение безопасности петербургского метрополитена составили не менее 2,5 млрд рублей (Федорова, 2018), и при этом как в Санкт-Петербурге, так и в Москве в городских конкурсах на поставку металлодетекторов участвовала одна-единственная компания (Кустикова, Сатановский, 2017).

Подобные истории, на первый взгляд совершенно не связанные с повесткой национальной идентичности и государственной национальной политики, на самом деле иллюстрируют озвученный ранее тезис: некоторые решения принимаются не для того, чтобы были достигнуты их публично заявленные цели, и чем более размытыми и неопределенными являются предмет и объект таких решений, тем больше вероятность того, что никаких «фиксируемых изменений» в результате титанической работы государственных учреждений так и не случится. «Когда правительство занимается предоставлением конкретных услуг... такие услуги зачастую имеют целью достижение определенных результатов», — пишет Ф. Хайек (Хайек, 2006: 158) и параллельно подчеркивает, что в целом современное государство может располагать «властью, совершенно не ограниченной законом, но зато подчиненной внутренним нуждам самодовлеющей и склонной к произволу машины» (Там же: 471); при этом «размытость используемых терминов» позволяет этой же машине «объявлять предметом общего интереса почти все что угодно» (Там же: 169). Потому не удивительно, что громогласное объявление очередных инициатив по «нациестроительству» может скрывать прагматические задачи воспроизводства политического режима, распределения бюджетных средств и роста рейтинга, — удивительно скорее то, что именно в отношении политики в области «национальной идентичности» такое предположение воспринимается как неприличное, хотя российские исследователи уже давно обратили внимание на, так скажем, «искаженный» характер городской политики (Попов, Пузанов, Полиди, 2018), аграрной политики (Малыш, 2018), структурной экономической политики (Ясин, 2018) и многих других решений.

Заключение

В статье 2015 года «Роль «исторической политики» в формировании российской идентичности» В. А. Ачкасов, указывая, что сутью исторической политики являются «манипуляции с исторической памятью», показывает, что тем самым осуществляются и «манипуляции с групповой идентичностью» (поскольку идентификация, по его мнению, является «одной из функций коллективной исторической памяти») (Ачкасов, 2015). Развивая его тезис, в заключении настоящей статьи мы хотели бы подчеркнуть, что реальными (то есть разделяемыми лицами, принимающими решения) целями программ в области национальной идентичности, исторической политики и других социальных сфер, где с трудом выводимы конкретные, измеримые и однозначные показатели эффективности и результативности, могут являться не просто манипуляции с общественным мнением (вряд ли представляющие собой самоцель, «манипуляции ради манипуляций»), но вполне прагматичные действия, направленные на увеличение дискреционных бюджетов органов государственной власти, репутационные выгоды для отдельных политических лидеров или воспроизведение существующего политического режима (без внимания к тому, существует ли провозглашаемая на бумаге «нация» или нет).

Это еще больше усложняет обсуждение того, в какой степени согласуются между собой «национальная идентичность» как феномен социальной жизни и государственная политика, реализуемая в ее отношении. Основной наш тезис заключался в том, что расхождение между содержанием двух этих сторон одного, казалось бы, уравнения может приводить к драматичным последствиям — начиная с выхолащивания одного из самых распространенных оснований социальной консолидации и заканчивая полномасштабным кризисом политических институтов. Последнее заслуживает отдельного внимания: как У. Шейдел предполагает, что наиболее существенным сокращением материального неравенства в истории человечество «обязано» войнам, эпидемиям и другим трагическим событиям (Scheidel, 2017), так и теоретики национализма указывают, что «чувство национальной идентичности никогда не бывает сильнее, чем во время войны» (Evans, 2011), реальной (Carleton, 2016) или воспринимаемой (Masolo, 2002) «внешней угрозы», революции или распада предшествующей государственности (Schön, 2013). Иными словами, «джинн» национализма, выпущенный из теоретической бутылки и встроившийся благодаря официальной риторике в публичный дискурс, может превратиться в вызов той системе «казенного патриотизма», которая вызвала его к жизни, — вопреки ожидаемой «фасадности» и предусмотренному следованию в фарватере государственных программ. Это частичное «ускользание от государства» представляется куда более опасным, чем тривиальная бессодержательность амбициозных нормативных документов.

Литература

- Алексеева Т. А., Минеев А. П., Лошкарев И. Д. (2016). «Земля смятения»: квантовая теория в международных отношениях // Вестник МГИМО-Университета. № 3. С. 7–16.
- Алексеенко С. С., Сафин Ф. Г., Халиуллина А. И. (2015). Динамика изменения региональной и общероссийской идентичностей в полигэтничном регионе (по данным этносоциологических исследований в Республике Башкортостан в 1990–2014 гг.). URL: <https://avia.mstuca.ru/jour/article/view/420/346#> (дата доступа: 25.09.2019).
- Альтиоссер Л. (2011). Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) / Пер. с нем. С. Рыднина // Неприкосновенный запас. № 3. С. 14–58.
- Ачкасов В. А. (2013). Политика идентичности в современном мире // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. № 4. С. 71–77.
- Ачкасов В. А. (2015). Роль «исторической политики» в формировании российской идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 18. № 2. С. 181–192.
- Бадретдинова М. М. (2005). О воспитательной роли школьных курсов истории: отечественные традиции и примеры современной реализации // Современные методы в современном преподавании. М.: Гос. публ. ист. библиотеки России. С. 149–156.
- Белый М. (2018). Афера года: на знаке «Ш» заработали 2,5 миллиарда рублей. URL: <https://ura.news/articles/1036274869> (дата доступа: 25.09.2019).
- Большаков А. Г. (2008). Замороженные конфликты постсоветского пространства: тупики международного миротворчества // Полития. № 1. С. 27–37.
- Брубейкер Р. (2010). Мифы и заблуждения в изучении национализма // Герасимов И., Могильнер М., Семенов А. (ред.). Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое издательство. С. 62–109.
- Бухарин Н. И., Преображенский Е. А. (1920). Азбука коммунизма: популярное объяснение программы Российской коммунистической партии большевиков. Петербург: Гос. изд-во.
- Геллнер Э. (1991). Нации и национализм / Пер. с англ. Т. В. Бредниковой и М. К. Тюнькиной под ред. И. И. Крупника. М.: Прогресс.
- Гребер Д. (2016) Утопия правил: о технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии / Пер. с англ. А. Л. Дунаева. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Де Сото Э. (2007). Иной путь: экономический ответ терроризму / Пер. с англ. Б. Пинскера. Челябинск: Социум.
- Дегтярев А. А. (2004). Принятие политических решений. М.: КДУ.
- Джозеф Дж. (2005). Язык и национальная идентичность / Пер. с англ. А. Смирнова // Логос. № 4. С. 20–48.

- Дубина В. С. (2009). Насколько едина объединенная Германия? Восточные и западные немцы 20 лет спустя (По материалам немецкой печати). URL: http://www.perspektivy.info/book/naskolko_jedina_objedinennaja_germanija_vostochnye_i_zapadnye_nemcy_20_let_spusta_po_materialam_nemeckoj_pechati_2009-12-02.htm (дата доступа: 25.09.2019).
- Заостровцев А. (2018). Парадигма модернизации: как ее понимать? Препринт М-68/18. СПб.: Изд-во Европейского университета в СПб.
- Иванов Е. (2006). Различая национализм: проблемы метода как проблемы практики. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/53/05.pdf> (дата обращения 25.09.2019).
- Иноземцев В. Л. (2018). Несовременная страна: Россия в мире XXI века. М.: Альпина Паблишер.
- Кедури Э. (2010) Национализм / Пер. с англ. А. А. Новохатько. СПб.: Алетейя.
- Кобрин В. Б. (1992). Кому ты опасен, историк? М.: Московский рабочий.
- Кривошеев Ю. В., Дворниченко А. Ю. (1994). Изгнание науки: российская историография в 20-х — начале 30-х годов XX в. // Отечественная история. № 3. С. 143–158.
- Кром М. М. (2018). Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков. М.: Новое литературное обозрение.
- Крупская Н. К. (2014). Общее и профессиональное образование // Крупская Н. К. Трудовое воспитание и политехническое образование. М.: Директ-Медиа. С. 59–67.
- Купришин Г. Л. (2018). Калейдоскоп административных реформ в Европе: Опыт и оценки элиты государственной службы // Вопросы государственного и муниципального управления. № 1. С. 197–205.
- Кустикова А., Становский С. (2017). В рамках возможного. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/04/04/72014-illyuziya-bezopasnosti> (дата доступа: 25.09.2019).
- Ларин Ю. (1924). Интеллигенция и Советы: хозяйство, буржуазия, революция, госаппарат. М.: Гос. изд-во.
- Лебина Н. Б. (2016). Советская повседневность: нормы и аномалии. М.: Новое литературное обозрение.
- Левада-Центр (2016). Ответственность и влияние. URL: <http://www.levada.ru/2016/07/13/otvetstvennost-i-vliyanie/> (дата доступа: 25.09.2019).
- Ливен Д. (2010). Империя, история и современный мировой порядок // Герасимов И., Могильнер М., Семенов А. (ред.). Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое издательство. С. 283–324.
- Малахов В. С. (2005). Национализм как политическая идеология. М.: КДУ.
- Малинова О. Ю. (2005). Исследование политики и дискурс об идентичности // Политическая наука. № 3. С. 8–20.
- Малыш Е. В. (2018). Рентные стратегии импортозамещения в пищевой промышленности // Стратегии развития социальных общностей, институтов и тер-

- риторий: Материалы IV Международной научно-практической конференции (г. Екатеринбург, 23–24 апреля 2018 г.). Т. 1. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та. С. 239–243.
- Мерзликин П. (2017). В петербургском метро ввели досмотр, как в аэропортах. URL: <https://meduza.io/feature/2017/07/27/v-peterburgskom-metro-vveli-dosmotr-kak-v-aeroportah-rezulstat-nebyvalye-ocheredi-na-vhod-davka-v-vestibulyah> (дата доступа: 25.09.2019).
- Миллер А. И. (2017а). «Россия не была, не является и никогда не будет национальным государством». URL: <https://republic.ru/posts/88426?code=e51f2fa353411dc260ca7eb9e587d3eb> (дата доступа: 25.09.2019).
- Миллер А. И. (2017б). Нация-государство или государство-нация? Россия в глобальной политике. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Natciya-gosudarstvo-ili-gosudarstvo-natciya-19200> (дата доступа: 25.09.2019).
- Михайлов В. А. (2016). «Российская нация» — это цель. URL: https://life.ru/t/мнения/925148/rossiiskaia_natsiia__eto_tsiel (дата доступа: 25.09.2019).
- Мочалов Т. Н. (2013). Формирование государственной национальной политики Российской Федерации: повестка дня, акторы и институты. Дисс. маг. пол. наук (41.04.04). М.: Высшая школа экономики.
- Мюллер Я.-В. (2013). Споры о демократии: политические идеи в Европе XX века / Пер. с англ. А. Яковлева. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.
- Нисканен В. А. (2004). Пересмотр // Заостровцев А. П. (ред.). Вехи экономической мысли. Т. 4: Экономика благосостояния и общественный выбор. СПб.: Экономическая школа. С. 537–560.
- Официальный сайт мэра Москвы (2019). Московский координационный совет региональных землячеств при Правительстве Москвы подведет итоги работы за год. URL: <https://www.mos.ru/news/item/34297073/> (дата доступа: 25.09.2019).
- Новосельцев Б. С. (2018). Три возможных пути России. URL: <http://arzamas.academy/materials/464> (дата доступа: 25.09.2019).
- Пастухов В. Б. (2000). Национальные и государственные интересы России: игра слов или игра в слова? // Полис. № 1. С. 92–96.
- Петербургский метрополитен (2017). На нескольких станциях метрополитена проводится массовый досмотр. URL: <http://www.metro.spb.ru/news/item/id/1335> (дата доступа: 25.09.2019).
- Поздняков Э. А. (1994). Нация, национализм, национальные интересы. М.: Прогресс.
- Поздняков Э. А. (1995). Геополитика. М.: Прогресс, Культура.
- Попов Р. А., Пузанов А. С., Полиди Т. Д. (2018). Контуры новой государственной политики по отношению к городам и городским агломерациям России. URL: <http://www.urbaneconomics.ru/sites/default/files/ekoporopuzanopolidio22018.pdf> (дата доступа: 25.09.2019).
- Попова О. В. (2016). Эффективность политики идентичности современного политического государства // Сенюшина Т. А., Баранов А. В. (ред.). Политическое

- пространство и социальное время: Сборник трудов конференции. Симферополь: Ариал. С. 157–159.
- Попова О. В. (2018). Модели идентичности политических акторов в современной России // Политическая наука. № 2. С. 173–194.
- Правительство РФ (2016). Постановление Правительства РФ № 1532 от 29 декабря 2016 г. «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210753/ad5b6174ada13faeoebe68306fbc513486c950ab/ (дата доступа: 25.09.2019).
- Правительство РФ (2017). Постановление Правительства РФ № 410 от 5 апреля 2017 г. «Об утверждении требований по обеспечению транспортной безопасности, в том числе требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий), учитывающих уровни безопасности для различных категорий метрополитенов». URL: <https://rg.ru/2017/04/11/transport-dok.html> (дата доступа: 25.09.2019).
- Правительство РФ (2018). Постановление Правительства РФ № 1414 от 24 ноября 2018 г. «Об изменениях в Правилах дорожного движения». URL: <http://government.ru/docs/34889/> (дата доступа: 25.09.2019).
- Президент РФ (2012). Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949> (дата доступа: 25.09.2019).
- Путин В. В. (2012). Строительство справедливости: социальная политика для России. URL: <https://www.kp.ru/daily/25833/2807793/> (дата доступа: 25.09.2019).
- РИА Новости (2019). В ФАДН рассказали о борьбе с разжиганием межнациональной розни URL: <https://ria.ru/20190718/1556641566.html> (дата доступа: 25.09.2019).
- Ринген С. (2016). Народ дьяволов: демократические лидеры и проблема повиновения / Пер. с англ. А. Матвеенко. М.: Дело.
- Российская газета (2017). На создание и поддержку СМИ в 2018 году направят 2,877 млрд. URL: [https://rg.ru/2017/10/11/na-sozdanie-i-podderzhku-smi-v-2018-godu-napraviat-2877-mlrd.html](https://rg.ru/2017/10/11/na-sozdanie-i-podderzhku-smi-v-2018-godu-napravят-2877-mlrd.html) (дата доступа: 25.09.2019).
- Российская Федерация (2017). Федеральный закон от 05.12.2017 № 362-ФЗ (ред. от 29.11.2018) «О федеральном бюджете на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=284360-121678&rnd=C2A7DB910440F5601B1F07203D8B510D&req=doc&base=LAW&n=312690&REFDOC=284360&REFBASE=LAW#9pwma8inskg> (дата доступа: 25.09.2019).
- Семененко И. С. (2016). Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст // Полис. Политические исследования. № 4. С. 8–28.

- Серль Дж. (1986). Что такое речевой акт? / Пер. с англ. И. М. Козевой // Городецкий Б. Ю. (ред.). Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М.: Прогресс. С. 151–170.
- Серль Дж. (2002). Открывая сознание заново / Пер. с англ. А. Ф. Грязнова. М.: Идея-Пресс.
- Силаев Н. (2014). Возвращение варварства // Россия в глобальной политике. № 5. С. 152–163.
- Скотт Дж. (2005). Благими намерениями государства: почему и как провалились проекты улучшения условий человеческой жизни / Пер. с англ. Э. Н. Гусинского и Ю. И. Турчаниновой. М.: Университетская книга.
- Слейтер Д. (2016). Откуда берутся сильные государства? Примирение азиатской и европейской концепций. URL: <http://apn-nn.com/101699-526009.html> (дата доступа: 25.09.2019).
- Сморгунов Л. В. (2012). В поисках управляемости: концепции и трансформации государственного управления в XXI веке. СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Совет народных комиссаров СССР (1934). Постановление Совета народных комиссаров СССР, Центрального комитета ВКП(б) от 15.05.1934 «О преподавании гражданской истории в школах СССР». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=16624#0> (дата доступа: 25.09.2019).
- Соловьев А. И. (2019). Политическая повестка правительства, или Зачем государству общество // Полис. Политические исследования. № 4. С. 8–25.
- Сталин И. В. (1950). К некоторым вопросам языкоznания. URL: <http://project.phil.spbu.ru/lib/data/ru/stalin/voprosy.html> (дата доступа: 25.09.2019).
- Сулакшин С. С. (ред.). (2008). Национальная идентичность России и демографический кризис: Материалы II Всероссийской научной конференции (г. Москва, 15 ноября 2007 г.). М.: Научный эксперт.
- Счетная палата (2016). За 10 лет ОЭЗ так и не стали единственным инструментом поддержки экономики. URL: http://audit.gov.ru/press_center/news/26369 (дата доступа: 25.09.2019).
- ТАСС (2017). Счетная палата выявила нарушения по исполнению бюджета на 700 млрд рублей. URL: <https://tass.ru/prmef-2017/articles/4311227> (дата доступа: 25.09.2019).
- Телин К. О. (2016). Исламизм и политические институты Ближнего Востока // Русская политология. № 1. С. 98–104.
- Тишкиов В. А. (2003). Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука.
- Тишкиов В. А. (2007). Российская нация и ее критики // Тишкиов В. А., Шнирельман В. А. (ред.). Национализм в мировой истории. М.: Наука. С. 558–601.
- Трифонова Е. (2018). Без «пинка сверху» соотечественникам не помочь. URL: http://www.ng.ru/politics/2018-03-19/1_7192_pinok.html (дата доступа: 25.09.2019).
- Туровский Р. Ф. (2005). Бремя пространства как политическая проблема России // Логос. № 1. С. 124–171.

- Ушакин С. (2009). Бывшее в употреблении: постсоветское состояние как форма афазии // Новое литературное обозрение. № 100. С. 760–792.
- ФАДН (2019). Структура Федерального агентства по делам национальностей URL: <http://fadn.gov.ru/agency/struktura> (дата доступа: 25.09.2019).
- Федорова Н. (2018). Метро-2018: как изменилась система безопасности в мегаполитене Петербурга после прошлогоднего теракта. URL: <https://www.dp.ru/a/2018/04/02/Metro2018> (дата доступа: 25.09.2019).
- Филимонов К. Г. (2017). О конвергенции академических исследований и политических практик в «политике идентичности»: от эссециализма к управлению идентификацией политических сообществ // Politbook. №. 4. С. 162–178.
- Хабермас Ю. (2010). Проблема легитимации позднего капитализма / Пер. с нем. Л. В. Воропай. М.: Практис.
- Хайек Ф. (2006). Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева. М.: ИРИСЭН.
- Хенкин С. М. (2013). Баскский конфликт в прошлом и настоящем // Иberoамериканские тетради. Вып. 1. М.: МГИМО. С. 172–185.
- Хобсбаум Э. (1998). Нации и национализм после 1780 года / Пер. с англ. А. А. Васильева. СПб.: Алетейя.
- Чернова Н. (2016). Теперь без иллюзий. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/10/19/70232-terer-bez-illyuziy> (дата доступа: 25.09.2019).
- Яси О. (2011). Распад Габсбургской монархии / Пер. с англ. О. А. Якименко и А. Г. Айрапетов. М.: Три квадрата.
- Ясин Е. Г. (ред.). (2018). Структурные изменения в российской экономике и структурная политика: Аналитический доклад. М.: НИУ ВШЭ.
- Acemoglu D., Robinson J. A., Torvik R. (2016). The Political Agenda Effect and State Centralization. URL: <https://economics.mit.edu/files/11528> (дата доступа: 01.08.2018)
- Agence France-Presse (2019). AFP Annual Report. URL: https://www.afp.com/communication/report_2018/AFP_annualreport_2018.pdf (дата доступа 25.09.2019).
- Almond G. (1958). Interest Groups in the Political Process // American Political Science Review. Vol. 52. № 1. P. 270–282.
- Almond G. A., Powell G. B. (1966). Comparative Politics: A Developmental Approach. Boston: Little, Brown.
- Andrew S. (2011). The Death of Tito: The Death of Yugoslavia? URL: <https://thevieweast.wordpress.com/2011/07/27/the-death-of-tito-the-death-of-yugoslavia/> (дата доступа 25.09.2019).
- Antonsich M. (2015). The «Everyday» of Banal Nationalism: Ordinary People's Views on Italy and Italian // Political Geography. Vol. 54. P. 32–42.
- Bennike C., Veilmark S. (2016). «Folk vil have stolthed, respekt, historie og mening. De vil have storhed!». URL: <https://www.information.dk/mofo/folk-stolthed-respekt-historie-mening-storhed> (русский перевод <https://inosmi.ru/social/20161212/238374944.html>) (дата доступа 25.09.2019).

- Billig M.* (1995). *Banal Nationalism*. L.: Sage.
- Bonnett A.* (2018). *Beyond the Map: Unruly Enclaves, Ghostly Places, Emerging Lands, and Our Search for New Utopias*. Chicago: University of Chicago Press.
- Brubaker R.* (1996). *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe*. Cambridge: Cambridge University Press. URL: https://is.muni.cz/el/1423/jaro2011/SOC788/um/BRUBAKER_Nationalism_reframed.pdf (дата доступа: 25.09.2019).
- Brubaker R., Cooper F.* (2000). Beyond «Identity» // *Theory and Society*. Vol. 29. № 1. P. 1–47.
- Carleton G.* (2016). *A Russia Born of War* // *Jensen L.* (ed.). *The Roots of Nationalism: National Identity Formation in Early Modern Europe, 1600–1815*. Amsterdam: Amsterdam University Press/ P. 153–166.
- Deutsche Welle* (2019). Wer finanziert die DW? URL: <https://www.dw.com/de/wer-finanziert-die-dw/a-279073> (дата доступа: 25.09.2019).
- Diest W., Feuchtwanger E. J.* (1996). The Military Collapse of the German Empire: The Reality Behind the Stab-in-the-Back Myth // *War in History*. Vol. 3. № 2. P. 186–207.
- Dinnen S.* (2007). The Twin Processes of Nation-Building and State-Building. URL: <http://hdl.handle.net/1885/141454> (дата доступа: 25.09.2019).
- ESCAP* (2009). What is Good Governance? URL: <https://www.unescap.org/resources/what-good-governance> (дата доступа 25.09.2019).
- European Parliament* (2018). EU Funds for Migration, Asylum and Integration Policies (Budgetary Affairs). URL: <http://bruegel.org/wp-content/uploads/2018/05/EU-funds-for-migration.pdf> (дата доступа 25.09.2019).
- Evans H. G.* (2011). War, Peace and National Identity. URL: <http://www.gevans.org/speeches/speech440.html> (дата доступа 25.09.2019).
- Fenton S.* (2007). Indifference towards National Identity: What Young Adults Think about Being English and British // *Nations and Nationalism*. Vol. 13. № 2. P. 321–339.
- Frankel J.* (1970). *The National Interest*. L.: Macmillan.
- Gerring J., Hoffman M., Zarecki D.* (2018). The Diverse Effects of Diversity on Democracy // *British Journal of Political Science*. Vol. 48. № 2. P. 283–314.
- Gigante C.* (2011). «Fatta l'Italia, facciamo gli Italiani»: appunti su una massima da restituire a d'Azeglio // *Incontri: Rivista europea di studi italiani*. Vol. 26. № 2. P. 5–15.
- Hobsbawm E., Ranger T.* (1983). *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hogwood P.* (2000) After the GDR: Reconstructing Identity in Post-Communist Germany // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. Vol. 16. № 4. P. 45–67.
- Hustedt T., Houlberg Salomonsen H.* (2014). Ensuring Political Responsiveness: Politicization Mechanisms in Ministerial Bureaucracies // *International Review of Administrative Sciences*. Vol. 80. № 4. P. 746–765.
- Kingdon J. W.* (1984). *Agendas, Alternatives and Public Policies*. Boston: Little, Brown.
- Kremlin.ru* (2016). Заседание Совета по межнациональным отношениям, 31.10.2016. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53173> (дата доступа: 25.09.2019).

- Lane Bruner M. (2005). Rhetorical Theory and the Critique of National Identity Construction // National Identities. Vol. 7. № 3. P. 309–327.*
- Lazarev E. (2018) Laws in Conflict: Legacies of War and Legal Pluralism in Chechnya. PhD Thesis. New York: Columbia University.*
- Mandler P. (2006). What is «National Identity»? Definitions and Applications in Modern British Historiography // Modern Intellectual History. Vol. 3. № 2. P. 271–297.*
- Mann M. (1984). The Autonomous Power of the State: Its Origins, Mechanisms and Results // European Journal of Sociology. Vol. 25. № 2. P. 185–213.*
- Martin T. (2001). The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca: Cornell University Press.*
- Masolo D.A. (2002). Community, Identity and the Cultural Space // Rue Descartes. Vol. 36. № 2. P. 19–51.*
- May L., McGill E. (2014). Grotius and Law. Farnham: Ashgate.*
- Meinecke F. (1962). Weltburgertum und Nationalstaat. Munich: Oldenbourg.*
- Mrden S. (2002). Narodnost u Popisima — Promjenljiva i Nestalna kategorija // Stanovnistvo. Vol. 1. № 4. P. 177–103.*
- Mwakikagile G. (2009). Ethnicity and National Identity in Uganda: The Land and Its People. Dar es Salaam: New Africa Press.*
- Nettle D., Grace J. B., Choisy M., Cornell H. V., Guégan J.-F., Hochberg M. E. (2007). Cultural Diversity, Economic Development and Societal Instability. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0000929> (дата доступа 25.09.2019).*
- Niemann H. (1993): Meinungsforschung in der DDR: die geheimen Berichte des Instituts für Meinungsforschung an das Politbüro der SED. Köln: Bund-Verlag.*
- Olivier J., Thoenig M., Verdier T. (2008). Globalization and the Dynamics of Cultural Identity // Journal of International Economics. Vol. 76. № 2. P. 356–370.*
- Portillo S., Bearfield D., Humphrey N. (2019). The Myth of Bureaucratic Neutrality: Institutionalized Inequity in Local Government Hiring. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0734371X19828431> (дата доступа: 25.09.2019).*
- Prager D. (2015) Is National Identity Necessary in Modern America? URL: <http://www.nationalreview.com/article/424410/national-identity-necessary-modern-america-dennis-prager> (дата доступа: 25.09.2019).*
- Roosens E. E. (1989). Creating Ethnicity: The Process of Ethnogenesis. Thousand Oaks: Sage Publications.*
- Roudometof V. (2016). Glocalization: A Critical Introduction. L.: Routledge.*
- Scheidel W. (2017). The Great Leveler: Violence and the History of Inequality from the Stone Age to the Twenty-First Century. Princeton: Princeton University Press.*
- Schön A. M. (2013). The Construction of Turkish National Identity: Nationalization of Islam and Islamization of Nationhood. URL: https://www.tilburguniversity.edu/sites/tilu/files/download/Anna%20Marisa%20Schoen%20-%20The%20Construction%20of%20Turkish%20National%20Identity_2.pdf (дата доступа: 25.09.2019)*
- Scott J. (2009). The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia. New Haven: Yale University Press.*

- Staab A.* (1997). Separation after Unification? The Crisis of National Identity in Eastern Germany. PhD Thesis. L.: London School of Economics and Political Science.
- Stein K. K.* (2017). Viktor Orbán's National Hungarian Identity Construct: Securitization of 2015–2016 European Migrant Crisis as Existential Threat. URL: <https://is.cuni.cz/webapps/zzp/detail/180940/> (дата доступа: 25.09.2019).
- Stepan A., Linz J., Yadav Y.* (2010). Crafting State-Nations: India and Other Multinational Democracies. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Stepan A.* (2008). Comparative Theory and Political Practice: Do We Need a «State-Nation» Model as Well as a «Nation-State» Model? // Government and Opposition. Vol. 43. № 1. P. 1–25.
- Teehankee J.C.* (2016). Duterte's Resurgent Nationalism in the Philippines: A Discursive Institutional Analysis // Journal of Current Southeast Asian Affairs. Vol. 35. № 3. P. 69–89.
- Uberoi V.* (2015). The «Parekh Report»: National Identities without Nations and Nationalism // Ethnicities. Vol. 15. № 4. P. 509–526.
- US Agency for Global Media (2019) FY 2020 Congressional Budget Justification. URL: https://www.usagm.gov/wp-content/uploads/2019/03/USAGMBudget_FY20_CBJ_3-15-19.pdf (дата доступа: 25.09.2019).
- von Bogdandy A., Häußler S., Hanschmann F., Utz R.* (2005). State-Building, Nation-Building, and Constitutional Politics in Post-Conflict Situations: Conceptual Clarifications and an Appraisal of Different Approaches // Max Planck Yearbook of United Nations Law Online. Vol. 9. № 1. P. 579–613.
- Walton J.* (2012). Chinese Nationalism and Its Future Prospects: Interview with Yingjie Guo. http://www.nbr.org/downloads/pdfs/Outreach/Guo_interview_o6272012.pdf (дата доступа: 25.09.2019).
- Yang K.* (2016). Creating Public Value and Institutional Innovations across Boundaries: An Integrative Process of Participation, Legitimation, and Implementation // Public Administration Review. Vol. 76. № 6. P. 873–885.
- Yoder J.* (1999). From East Germans to Germans? The New Postcommunist Elites. L.: Duke University Press.

Identity Gaps: How and Why a Nation Eludes A State

Kirill Telin

Research Fellow, Public Policy Department, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University
Address: Leninskiye Gory, 1, Moscow, Russian Federation 119991
E-mail: kirill.telin@gmail.com

Kirill Filimonov

Junior Research Fellow, Institute of Socio-Political Research, Russian Academy of Sciences
Address: Fotieva str., 6, bld. 1 Moscow, Russian Federation 119333
E-mail: kirill.filimonov.spbu@outlook.com

The concept of "national identity" is one of the most popular constructs linking political theory and policy agents' requests intended to maintain socio-political order in general, and to legitimize policy in particular. This aspect of legitimacy as explored through the national identity issue engages our attention in this review. The authors explore this aspect as applied to the problem of classical political order, focusing on state capacities and policymaking, accompanied rhetorically by a national identity discourse and based on common values, beliefs, and models of behavior. The review starts from a skepticism towards state capabilities and its claim to monopolize reproduction of a socio-political order which appeals to a volatile idea of a "nation." This is an obvious case for political philosophy and the social sciences, and also a strong example to illustrate the complexities that states face in the "colonizing" of a public sphere. The complexities are particularly expressed in a growing uncertainty of all statutes of identity-politics agents. The article emphasizes that precisely because of the "colonization" strategy, a "nation" eludes a state that loses its reference points such as "order" or "stability." The authors conclude that a policy of such a style described above will always be emasculated and fail to provide any kind of social integration.

Keywords: national identity, state, political stability, discourse, state policy, socio-political order

References

- Acemoglu D., Robinson J. A., Torvik R. (2016) The Political Agenda Effect and State Centralization. Available at: <https://economics.mit.edu/files/11528> (accessed 25 September 2019).
- Achkasov V. (2013) Politika identichnosti v sovremennom mire [Identity Politics in the Contemporary World]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 6: Philosophy. Culturology. Political Science. Law. International Relations*, no 4, pp. 71–77.
- Achkasov V. (2015) Rol' "istoricheskoi politiki" v formirovaniy Rossiiskoi identichnosti [The Role of "Historical Politics" in the Creating of Russian Identity]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 18, no 2, pp. 181–192.
- Agence France-Presse (2019) AFP Annual Report. Available at: https://www.afp.com/communication/report_2018/AFP_annualreport_2018.pdf (accessed 25 September 2019).
- Alekseenko S., Safin F., Khaliulina A. (2015) Dinamika izmenenii regional'noi i obshcherossiiskoi identichnosti v polietnichnom regione (po dannym etnosotsiologicheskikh issledovanii v respublike Bashkortostan v 1990–2014 gg.) [The Dynamics of Changes of Regional and All-Russian Identities in the Polynational Region (Based on the Ethnosociological Studies in the Republic of Bashkortostan in 1990–2014)]. Available at: <https://avia.mstuca.ru/jour/article/view/420/346#> (accessed 25 September 2019).
- Alekseeva T., Mineev A., Loshkarev I. (2016) "Zemlia smiatenii": kvantovaia teoriia v mezhdunarodnykh otnosheniiakh? ["Land of Confusion": Quantum Physics in IR Theory?]. *MGIMO Review of International Relations*, no 3, pp. 7–16.
- Almond G. (1958) Interest Groups in the Political Process. *American Political Science Review*, vol. 52, no 1, pp. 270–282.
- Almond G. A., Powell G. B. (1966) *Comparative Politics: A Developmental Approach*, Boston: Little, Brown.
- Althusser L. (2011) Ideologii i ideologicheskie apparaty gosudarstva (zametki dlia issledovaniia) [Ideology and Ideological State Apparatuses (Notes towards an Investigation)]. *Neprikosnovennyi Zapas*, no 3, pp. 14–58.
- Andrew S. (2011) The Death of Tito: The Death of Yugoslavia? The View East: Central and Eastern Europe, Past and Present. Available at: <https://thevieweast.wordpress.com/2011/07/27/the-death-of-tito-the-death-of-yugoslavia/> (accessed: 25 September 2019).
- Antonsich M. (2015) The "Everyday" of Banal Nationalism: Ordinary People's Views on Italy and Italian. *Political Geography*, vol. 54, pp. 32–42.
- Badretdinova M. (2005) O vospitatel'noi roli shkol'nykh kursov istorii: otechestvennye traditsii i primery sovremennoi realizatsii [On Educational Role of School Courses of History: Fatherland Traditions and Examples of Contemporary Realization]. *Sovremennye metody v sovremennom prepodavanii* [Contemporary Methods in Contemporary Teaching], Moscow: Russian State History Library, pp. 149–156.

- Belyi M. (2018) Afera goda: na znake "Sh" zarabotali 2,5 milliarda rublei [Affair of the Year: "Sh" Sign Makes 2,5 Billion Rubles]. Available at: <https://ura.news/articles/1036274869> (accessed 25 September 2019)
- Bennike C., Veilmark S. (2016) "Folk vil have stolthed, respekt, historie og mening. De vil have storhed!". Available at: <https://www.information.dk/mofa/folk-stolthed-respekt-historie-mening-storhed> (accessed 25 September 2019)
- Billig M. (1995) *Banal Nationalism*, London: Sage.
- Bolshakov A. (2008) *Zamorozhennye konflikty postsovetskogo prostranstva: tupiki mezhdunarodnogo mirotvorchestva* [Frozen Conflicts of the Post-Soviet Space: Deadlocks of International Peacekeeping]. *Politeia*, no 1, pp. 27–37.
- Bonnett A. (2018) *Beyond the Map: Unruly Enclaves, Ghostly Places, Emerging Lands, and Our Search for New Utopias*, Chicago: University of Chicago Press.
- Brubacker R. (1996) *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Brubaker R. (2010) *Mify i zabluzhdenija v izuchenii nacionalizma* [Myths and Delusions in Nationalism Research]. *Mify i zabluzhdenija v izuchenii imperii i natsionalizma* [Myths and Delusions in Empire and Nationalism Research] (eds. I. Gerasimov, M. Mogilner, A. Semenov), Moscow: New Press, pp. 62–109.
- Brubaker R., Cooper F. (2000) Beyond "Identity". *Theory and Society*, vol. 29, no 1, pp. 1–47.
- Bukharin N., Preobrazhensky E. (1920) *Azбука коммунизма: populyarnoye ob'yasnenie programmy Rossiijskoy kommunisticheskoy partii bol'shevikov* [The ABC of a Communism: Popular Explanation of Russian Communist Bolshevik Party program], Petrograd: State Press.
- Carleton G. (2016) A Russia Born of War. *The Roots of Nationalism: National Identity Formation in Early Modern Europe, 1600–1815* (ed. L. Jensen), Amsterdam: Amsterdam University Press, pp. 153–166.
- Chernova N. (2016) Teper' bez illuzii [Now without Illusions]. Available at: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/10/19/70232-teper-bez-illyuzii> (accessed 25 September 2019).
- De Soto H. (2008) *Inoi put'*: ekonomicheskii otvet terrorizmu [The Other Path: The Economic Answer to Terrorism], Cheliabinsk: Sotsium.
- Degtiarev A. (2004) *Priniatie politicheskikh reshenii* [Making of Political Decisions], Moscow: KDU.
- Deutsche Welle (2019) Wer finanziert die DW?. Available at: <https://www.dw.com/de/wer-finanziert-die-dw/a-279073>;
- Diest W., Feuchtwanger E. J. (1996) The Military Collapse of the German Empire: The Reality Behind the Stab-in-the-Back Myth. *War in History*, vol. 3, no 2, pp. 186–207.
- Dinnen S. (2007) The Twin Processes of Nation-Building and State-Building. Available at: <http://hdl.handle.net/1885/141454> (accessed 25 September 2019).
- Dubina V. (2009) Naskol'ko edina ob"edineniennaia Germaniia? Vostochnye i zapadnye nemtsy 20 let spustia (po materialam nemetskoi pechati) [How United is United Germany? Eastern and Western Germans 20 Years after (Based on Data of German Press)]. Available at: http://www.perspektivy.info/book/naskolko_jedina_objedinennaja_germanija_vostochnye_i_zapadnye_nemcy_20_leb_spusta_po_materialam_nemeckoj_pechati_2009-12-02.htm (accessed 25 September 2019).
- ESCAP (2009) What is Good Governance?. Available at: <https://www.unescap.org/resources/what-good-governance> (accessed 25 September 2019).
- European Parliament (2018) EU Funds for Migration, Asylum and Integration Policies (Budgetary Affairs). Available at: <http://bruegel.org/wp-content/uploads/2018/05/EU-funds-for-migration.pdf> (accessed 25 September 2019).
- Evans H.G. (2011) War, Peace and National Identity. Keynote Address to the Melbourne Festival of Ideas. Available at: <http://www.gevans.org/speeches/speech440.html> (accessed 25 September 2019).
- FADN (2019) Struktura Federal'nogo agentstva po delam natsional'nostei [Structure of Federal Agency for Ethnic Affairs]. Available at: <http://fadn.gov.ru/agency/struktura> (accessed 25 September 2019).
- Fedorova N. (2018) Metro-2018: kak izmenilas' sistema bezopasnosti v metropolitene Peterburga posle proshlogodnego terakta [Metro-2018: How Saint Petersburg Metro Security System has

- Changed after Last-Year Terror Attack]. Available at: <https://www.dp.ru/a/2018/04/02/Metro2018> (accessed 25 September 2019).
- Fenton S. (2007) Indifference towards National Identity: What Young Adults Think about Being English and British. *Nations and Nationalism*, vol. 13, no 2, pp. 321–339.
- Filimonov K. (2017) O konvergentsii akademicheskikh issledovanii i politicheskikh praktik v "politike identichnosti": ot essentzializma k upravleniiu identifikatsiiami politicheskikh soobshchestv [On Convergence in Academic Investigations and Political Practices of "Identity Politics": From Essentialism to Identification Governance of Political Communities]. *PolitBook*, no 4, pp. 162–178.
- Frankel J. (1970) *The National Interest*, London: Macmillan.
- Gellner E. (1991) *Natsii i natsionalizm* [Nations and Nationalism], Moscow: Progress.
- Gerring J., Hoffman M., Zarecki D. (2018) The Diverse Effects of Diversity on Democracy. *British Journal of Political Science*, vol. 48, no 2, pp. 283–314.
- Gigante C. (2011) "Fatta l'Italia, facciamo gli Italiani": appunti su una massima da restituire a d'Azeglio. *Incontri: Rivista europea di studi italiani*, vol. 26, no 2, pp. 5–15.
- Graeber D. (2016) *Utopiia pravil: o tekhnologiiakh, gluposti i tainom obaianii biurokratii* [The Utopia of Rules: On Technology, Stupidity, and the Secret Joys of Bureaucracy], Moscow: Ad Marginem Press.
- Habermas J. (2010) *Problema legitimatsii pozdnego kapitalizma* [Legitimation Problems in Late Capitalism], Moscow: Praksis.
- Hayek F. (2006) *Pravo, zakonodatel'stvo i svoboda: sovremennoe ponimanie liberal'nykh printsipov spravedlivosti i politiki* [Law, Legislation and Liberty: A New Statement of the Liberal Principles of Justice and Political Economy], Moscow: IRISEN.
- Hobsbawm E. (1988) *Natsii i natsionalizm posle 1780 goda* [Nations and Nationalism after 1780], Saint Petersburg: Aleteiia.
- Hobsbawm E., Ranger T. (1983) *The Invention of Tradition*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Hogwood P. (2000) After the GDR: Reconstructing Identity in Post-Communist Germany. *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, vol. 16, no 4, pp. 45–67.
- Hustedt T., Houlberg Salomonsen H. (2014) Ensuring Political Responsiveness: Politicization Mechanisms in Ministerial Bureaucracies. *International Review of Administrative Sciences*, vol. 80, no 4, pp. 746–765.
- Inozemtsev V. (2018) *Nesovremennaia strana: Rossiiia v mire XXI veka* [Non-time Country: Russia in the 21st Century World], Moscow: Alpina Publisher.
- Ivanov E. (2006) Razlichiaia natsionalizm: problemy metoda kak problemy praktiki. [Differenciating Nationalism: Problems of Method as Problems of Practice]. Available at: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/53/05.pdf> (accessed 25 September 2019).
- Joseph J. (2005) lazyk i natsional'naia identichnost' [Language and National Identity]. *Logos*, no 4, pp. 20–48.
- Kedouri E. (2010) *Natsionalizm* [Nationalism], Saint Petersburg: Aleteiia.
- Khenkin S. (2013) Baskskii konflikt v proshlom i nastoashchem [Basque Conflict in Past and Present]. *Iberoamerikanskie tetradi*, no 1, pp. 172–185.
- Kingdon J. W. (1984) *Agendas, Alternatives and Public Policies*, Boston: Little, Brown.
- Kobrin V. (1992) *Komu ty opasen, istorik?* [For whom are You Dangerous, Historian?], Moscow: Moskovskii rabochii.
- Kremlin.ru (2016) Zasedanie Soveta po mezhnatsional'nym otnosheniiam [The Minutes of the Meeting of the Council for Interethnic Relations]. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/53173> (accessed 25 September 2019).
- Krivosheev Y., Dvornichenko A. (1994) Izgnanie nauki: rossiiskaia istoriografija v 20-kh — nachale 30-kh godov XX v. [Expulsion of Science: Russian Historiography in the 1920s and early 1930s]. *Otechestvennaia istoriia*, no 3, pp. 43–58.
- Krom M. (2018) *Rozhdenie gosudarstva: Moskovskaia Rus' XV–XVI vekov* [Birth of the State: Moscow Russia in the 15th–16th Centuries], Moscow: New Literary Observer.
- Krupskaia N. (2014) *Obshchee i professional'noe obrazovanie* [General and Professional Education]. *Trudovoe vospitanie i politekhnicheskoe obrazovanie* [Labour Education and Polytechnical Education], Moscow: Direkt-Media, pp. 59–67.

- Kupryashin G. (2018) *Kalejdoskop administrativnyh reform v Evrope: Opty i ocenki elity gosudarstvennoj sluzhby* [Kaleidoscope of Administrative Reforms in Europe: Experience and Assessments of the Elite of the Public Service]. *Issues of State and Municipal Administration*, no 1, pp. 197–205.
- Kustikova A., Satanovsky S. (2017) *V ramkakh vozmozhnogo* [Within Possible]. Available at: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/04/04/72014-illyuziya-bezopasnosti> (accessed 25 September 2019).
- Lane Bruner M. (2005) Rhetorical Theory and the Critique of National Identity Construction. *National Identities*, vol. 7, no 3, pp. 309–327.
- Larin Y. (1924) *Intelligentsiia i Sovety: khoziaistvo, burzhuaziia, revoliutsiia, gosapparat* [Intellectuals and Soviets: Economy, Bourgeoisie, Revolution and State Apparatus], Moscow: State Press.
- Lazarev E. (2018) *Laws in Conflict: Legacies of War and Legal Pluralism in Chechnya* (PhD Thesis), New York: Columbia University.
- Lebina N. (2016) *Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stilyu* [Soviet Everyday Life: Norms and Anomalies. From the War Communism to Stalin's Years], Moscow: New Literary Observer.
- Levada Center (2016) *Otvetstvennost' i vliyanie: Opros Levada-tsentr, 13 iulija* [Responsibility and Influence: Levada Center Poll, July 13]. Available at: <http://www.levada.ru/2016/07/13/otvetstvennost-i-vliyanie/> (accessed 25 September 2019).
- Liven D. (2010) Imperija, istorija i sovremennyj mirovoj porjadok [Imperia, History, and Modern World Order]. *Mify i zabluzhdenija v izuchenii imperii i natsionalizma* [Myths and Delusions in Empire and Nationalism Research] (eds. I. Gerasimov, M. Mogilner, A. Semenov), Moscow: New Press, pp. 283–324.
- Malakhov V. (2005) *Natsionalizm kak politicheskaja ideologija* [Nationalism as Political Ideology], Moscow: KDU.
- Malinova O. (2005) *Issledovanie politiki i diskurs ob identichnosti* [Political Research and Identity Discourse]. *Political Science*, no 3, pp. 8–20.
- Malysh E. (2018) *Rentnye strategii importozameshcheniia v pishchevoi promyshlennosti* [Rental Import Substitution Strategies in the Food Industry]. *Strategii razvitiia sotsial'nykh obshchnostei, institutov i territorii: Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* (Ekaterinburg, 23–24 aprelia 2018 g.). T. 1 [Strategies for the Development of Social Communities, Institutions and Territories: Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference (Ekaterinburg, April 23–24, 2018), Vol. 1], Ekaterinburg: Ural University Press, pp. 239–243.
- Mandler P. (2006) What is “National Identity”? Definitions and Applications in Modern British Historiography. *Modern Intellectual History*, vol. 3, no 2, pp. 271–297.
- Mann M. (1984) The Autonomous Power of the State: Its Origins, Mechanisms and Results. *European Journal of Sociology*, vol. 25, no 2, pp. 185–213.
- Martin T. (2001) *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*, Ithaca: Cornell University Press.
- Masolo D.A. (2002) Community, Identity and the Cultural Space. *Rue Descartes*, vol. 36, no 2, pp. 19–51.
- May L., McGill E. (2014) *Grotius and Law*, Farnham: Ashgate.
- Meinecke F. (1962) *Weltburgertum und Nationalstaat*, Munich: Oldenbourg.
- Merzlikin P. (2017) *V peterburgskom metro vveli dosmotr, kak v aeroportakh* [Saint Petersburg Metro Introduced Inspection as in Airports]. Available at: <https://meduza.io/feature/2017/07/27/v-peterburgskom-metro-vveli-dosmotr-kak-v-aeroportah-rezulstat-nebyvalye-ocheredi-na-vhod-davka-v-vestibulyah> (accessed 25 September 2019).
- Mikhailov V. (2016) “Rossiiskaia natsiia” — eto tsel’ [“Russian Nation” is a Goal]. Available at: https://life.ru/t/mneniiia/925148/rossiiskaia_natsiia_--_eto_tsel (accessed 25 September 2019).
- Miller A. (2017) “Rossiia ne byla, ne iavliaetsia i nikogda ne budet natsional'nym gosudarstvom” [“Russia was Not, is Not and will Never be the National State”]. Available at: <https://republic.ru/posts/88426?code=e51f2fa353411dc260ca7eb9e587d3eb> (accessed 25 September 2019).

- Miller A. (2017) *Natsiia-gosudarstvo ili gosudarstvo-natsiia? [Nation-State or State-Nation]*. Available at: <http://www.globalaffairs.ru/number/Natsiya-gosudarstvo-ili-gosudarstvo-natsiya-19200> (accessed 25 September 2019).
- Mochalov T. (2013) *Formirovanie gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii: povedka dnia, aktory i instituty* [Formation of the State National Policy of the Russian Federation: Agenda, Actors and Institutions] (PhD Thesis), Moscow: HSE.
- Moscow Mayor Official Website (2019) *Moskovskii koordinatsionnyi sovet regional'nykh zemliachestv pri Pravitel'stve Moskvy podvedet itogi raboty za god* [The Moscow Coordinating Council of Regional Earthlings under the Government of Moscow will Summarize the Results of Work for the Year]. Available at: <https://www.mos.ru/news/item/34297073/> (accessed 25 September 2019).
- Mrden S. (2002) *Narodnost u popisima: promjenljiva i nestalna kategorija*. *Stanovnistvo*, vol. 1, no 4, pp. 177–103.
- Müller J.-W. (2013) *Spory o demokratii: politicheskie idei v Evrope XX veka* [Debates on Democracy: Political Ideas in 20th Century Europe], Moscow: Gaidar Institute Publishing.
- Mwakikagile G. (2009) *Ethnicity and National Identity in Uganda: The Land and Its People*, Dar es Salaam: New Africa Press.
- Nettle D., Grace J. B., Choisy M., Cornell H. V., Guégan J.-F., Hochberg M. E. (2007) *Cultural Diversity, Economic Development and Societal Instability*. Available at: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0000929> (accessed 25 September 2019).
- Niemann H. (1993) *Meinungsforschung in der DDR: die geheimen Berichte des Instituts für Meinungsforschung an das Politbüro der SED*, Köln: Bund-Verlag.
- Niskanen W. (2004) *Peresmotr* [Revision]. *Vekhi ekonomicheskoi mysli. T. 4: Ekonomika blagosostoianiiia i obshchestvennyi vybor* [Milestones of Economic Thought, Vol. 4: Welfare Economics and Public Choice] (ed. A. Zaostrovtsiev), Saint Petersburg: Economic School, pp. 537–560.
- Novoseltsev B. (2018) *Tri vozmozhnykh puti Rossii* [Three Possible Ways of Russia]. Available at: <http://arzamas.academy/materials/464> (accessed 25 September 2019).
- Olivier J., Thoenig M., Verdier T. (2008) *Globalization and the Dynamics of Cultural Identity*. *Journal of International Economics*, vol. 76, no 2, pp. 356–370.
- Oushakine S. (2009) *Byvshee v upotreblении: postsovetskoe sostoianie kak forma afazii* [Retrofitting the Past: The Post-Soviet Condition as a Form of Aphasia]. *New Literary Observer*, vol. 6, pp. 760–792.
- Pastukhov V. (2000) *Natsional'nye i gosudarstvennye interesy Rossii: igra slov ili igra v slova?* [Russia's National and State Interests: Playing Words or Playing with Words?]. *Polis: Policy Studies*, no 1, pp. 92–96.
- Popov R., Puzanov A., Polidi T. (2018) *Kontury novoi gosudarstvennoi politiki po otnosheniiu k gorodam i gorodskim aglomeratsiiam Rossii* [Contours of New State Policy towards Cities and Urban Agglomerations of Russia]. Available at: <http://www.urbaneconomics.ru/sites/default/files/ekopopovpuzanovpolidio22018.pdf> (accessed 25 September 2019).
- Popova O. (2016) *Effektivnost' politiki identichnosti sovremenennogo polietnicheskogo gosudarstva*. [Effectiveness of the Identity Politics of the Modern Multi-ethnic State]. *Politicheskoe prostranstvo i social'noe vremya* [Political Space and Social Time] (eds. T. Senyushkin, A. Baranov), Simpheropol: Arial, pp. 157–159.
- Popova O. (2018) *Modeli identichnosti politicheskikh aktorov v sovremennoi Rossii* [Models of Identity of Political Actors in Modern Russia]. *Political Science*, no 2, pp. 173–194.
- Portillo S., Bearfield D., Humphrey N. (2019) *The Myth of Bureaucratic Neutrality: Institutionalized Inequity in Local Government Hiring*. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0734371X19828431> (accessed 25 September 2019).
- Pozdniakov E. (1994) *Natsiia, natsionalizm, natsional'nye interesy* [Nation, Nationalism, and National Interests], Moscow: Progress.
- Pozdniakov E. (1995) *Geopolitika* [Geopolitics], Moscow: Progress, Culture.

- Prager D. (2015) Is National Identity Necessary in Modern America?. Available at: <http://www.nationalreview.com/article/424410/national-identity-necessary-modern-america-dennis-prager> (accessed 25 September 2019).
- President of Russia (2012) *Ukaz Prezidenta RF N 1666 "O Strategii gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda"* [On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period until the 2025]. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949> (accessed 25 September 2019).
- Putin V. (2012) *Stroitel'stvo spravedlivosti: sotsial'naia politika dlia Rossii*. [Building Justice: Social Policy for Russia]. Available at: <https://www.kp.ru/daily/25833/2807793/> (accessed 25 September 2019).
- RIA Novosti (2019) *V FADN rasskazali o bor'be s razzhiganiem mezhnatsional'noi rozni* [Federal Agency for Ethnic Affairs Told about the Fight against Incitement of Ethnic Discord]. Available at: <https://ria.ru/20190718/1556641566.html> (accessed 25 September 2019).
- Ringen S. (2016) *Narod d'ivolov: demokraticheskie lidery i problema povinoveniia* [The Nation of Devils: Democratic Leaders and the Problem of Obedience], Moscow: Delo.
- Roosens E. E. (1989) *Creating Ethnicity: The Process of Ethnogenesis*, Thousand Oaks: Sage.
- Roudometof V. (2016) *Glocalization: A Critical Introduction*, London: Routledge.
- Russian Federation (2017) *Federal'nyi zakon N 362-FZ "O federal'nom biudzhete na 2018 god i na planovyi period 2019 i 2020 godov"* [On Federal Budget for Year 2018 and for Planned Period 2019 & 2020]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=284360-121678&rnd=C2A7DB910440F5601B1F07203D8B510D&req=doc&base=LAW&n=312690&REFDOC=284360&REFB ASE=LAW#9pwma8inskg> (accessed 25 September 2019).
- Saint Petersburg Metro (2017) *Na neskol'kikh stanciyah metropolitena provoditsya massovyj dosmotr* [Mass Inspection is Carried Out at Several Metro Stations]. Available at: <http://www.metro.spb.ru/news/item/id/1335> (accessed 25 September 2019).
- Scheidel W. (2017) *The Great Leveler: Violence and the History of Inequality from the Stone Age to the Twenty-First Century*, Princeton: Princeton University Press.
- Schetnaia Palata (2016) *Za 10 let OEZ tak i ne stali deistvennym instrumentom podderzhki ekonomiki* [For 10 Years Special Economic Zones did Not Become Efficient Instrument of Economy Support]. Available at: http://audit.gov.ru/press_center/news/26369 (accessed 25 September 2019).
- Schön A. M. (2013) *The Construction of Turkish National Identity: Nationalization of Islam and Islamization of Nationhood*. Available at: https://www.tilburguniversity.edu/sites/tiu/files/download/Anna%20Marisa%20Schoen%20-%20The%20Construction%20of%20Turkish%20National%20Identity_2.pdf (accessed 25 September 2019).
- Scott J. (2005) *Blagimi namereniiami gosudarstva: pochemu i kak provalilis' proekty uluchsheniia usloviy chelovecheskoi zhizni* [Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed], Moscow: Universitetskaia kniga.
- Scott J. (2009) *The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia*, New Haven: Yale University Press.
- Searle J. (1986) *Chto takoe rechevoi akt?* [What is a Speech Act?]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 17: Teoriia rechevykh aktov* [New in Foreign Linguistics, Issue 17: Speech Act Theory] (ed. B. Gorodetsky), Moscow: Progress, pp. 151-170.
- Searle J. (2002) *Otkryvaiia soznanie zanova* [The Rediscovery of the Mind], Moscow: Idea Press.
- Semenenko I. (2016) *Politika identichnosti i identichnost' v politike: etnonatsional'nye rakursy, evropeiskii kontekst* [Identity Politics and Identity in Politics: Ethno-national Perspectives, European Context]. *Polis: Political Studies*, no 4, pp. 8–28.
- Silaev N. (2014) *Vozvrashchenie varvarstva* [Return of Barbarism]. *Russia in Global Affairs*, no 5, pp.152–163.
- Slater D. (2016) *Otkuda berutsia sil'nye gosudarstva? Primirenie aziatskoi i evropeiskoi kontseptsiii* [Where are Strong States from? Dealing with Asian and European Conceptions]. Available at: <http://apn-nn.com/101699-526009.html> (accessed 25 September 2019).

- Smorgunov L. (2012) *V poiskakh upravlyayemosti: konseptsi i transformaciia gosudarstvennogo upravleniya v XXI veke* [In Search of Governability: Concepts and Transformation of Public Administration in the 21st Century], Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Press.
- Solovyev A. (2019) Politicheskaya povestka pravitel'stva, ili zachen gosudarstvu obshchestvo [Political Agenda of the Government, or Why the State Needs the Society]. *Polis: Political Studies*, no 4, pp. 8–25.
- Soviet Narodnykh Komissarov USSR (1934) Postanovlenie Soveta narodnykh komissarov SSSR, Tsentral'nogo komiteta VKP (b) (15.05.1934) "O prepodavanii grazhdanskoi istorii v shkolakh SSSR" [On Teaching of Civil History in USSR Schools]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=16624#0> (accessed 25 September 2019).
- Staab A. (1997) Separation after Unification? The Crisis of National Identity in Eastern Germany (PhD Thesis), London: London School of Economics and Political Science.
- Stalin I. (1950) K nekotorym voprosam iazykoznaniiia [Concering Some Questions of Linguistics]. Available at: <http://project.phil.spbu.ru/lib/data/ru/stalin/voprosy.html> (accessed 25 September 2019).
- Stein K. K. (2017) Viktor Orban's National Hungarian Identity Construct: Securitization of 2015–2016 European Migrant Crisis as Existential Threat. Available at: <https://is.cuni.cz/webapps/zzp/detail/180940/> (accessed 25 September 2019).
- Stepan A. (2008) Comparative Theory and Political Practice: Do We Need a "State-Nation" Model as Well as a "Nation-State" Model?. *Government and Opposition*, vol. 43, no 1, pp. 1–25.
- Stepan A., Linz J., Yadav Y. (2010) *Crafting State-Nations: India and Other Multinational Democracies*, Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Sulakshin S. (ed.) (2008) *Natsional'naia identichnost' Rossii i demograficheskii krizis: Materialy II Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* (Moskva, 15 noiabria 2007 g.) [Russian National Identity and Demography Crises: Proceedings of the Second All-Russian Scientific Conference (Moscow, November 15, 2007)], Moscow: Scientific Expert.
- TASS (2017) Schetnaia palata vyjavila narusheniia po ispolneniiu biudzheta na 700 mlrd rublei [Accounts Chamber Reveals Budget Law Violations on 700 Billion Rubles]. Available at: <https://tass.ru/pmef-2017/articles/4311227> (accessed 25 September 2019).
- Teehankee J. C. (2016) Duterte's Resurgent Nationalism in the Philippines: A Discursive Institutional Analysis. *Journal of Current Southeast Asian Affairs*, vol. 35, no 3, pp. 69–89.
- Telin K. (2016) Islamizm i politicheskie instituty Blizhnego Vostoka [Islamism and Political Institutions of Middle East]. *Russian Political Science*, no 1, pp. 98–104.
- The Russian Government (2016) Postanovlenie Pravitel'stva RF N 1532 (29.12.2016) "Ob utverzhdenii gosudarstvennoi programmy Rossiiskoi Federatsii 'Realizatsia gosudarstvennoi natsional'noi politiki'" [On Validation of Russian State Programme "Realization of State National Policy"]. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210753/ad5b6174ada13faeoebe68306fbc513486c950ab/ (accessed 25 September 2019).
- The Russian Government (2017) Postanovlenie Pravitel'stva RF N 410 (5.04.2017) "Ob utverzhdenii trebovaniu po obespecheniiu transportnoi bezopasnosti, v tom chisle trebovaniu k antiterroristicheskoi zashchishchennosti ob'ektorov (territoriy), uchityvaiushchikh urovni bezopasnosti dlia razlichnykh kategorii metropolitenov" [On Validation of Requirements for Transport Security Provision, Including Anti-Terrorist Security of Buildings (Areas), Considering Levels of Security for Different Categories of Underground Rapid Transit]. Available at: <https://rg.ru/2017/04/11/transport-dok.html> (accessed 25 September 2019).
- The Russian Government (2018) Postanovlenie Pravitel'stva RF N 1414 (24.11.2018) "Ob izmeneniiakh v Pravilakh dorozhnogo dvizheniiia" [On Changes in Traffic Code]. Available at: <http://government.ru/docs/34889/> (accessed 25 September 2019).
- The Russian Newspaper (2017) Na sozdanie i podderzhku SMI v 2018 godu napraviat 2,877 mlrd. [2.877 Billion Rubles will be Send for the Creation and Support of the Media]. Available at: <https://rg.ru/2017/10/11/na-sozdanie-i-podderzhku-smi-v-2018-godu-napraviat-2877-mlrd.html> (accessed 25 September 2019).
- Tishkov V. (2003) *Rekviem po etnosu: issledovaniia po sotsial'no-kul'turnoi antropologii* [Requiem for Ethnos: Research in Social and Cultural Anthropology], Moscow: Nauka.

- Tishkov V. (2007) Rossiiskaia natsiia i ee kritiki [Russian Nation and Its Critics]. *Natsionalizm v mirovoi istorii* [Nationalism in World History] (eds. V. Tishkov, V. Shnirelman). Moscow: Nauka, pp. 558–601.
- Trifonova E. (2018) Bez "pinka sverkhu" sootechestvennikam ne pomoch [No Help to Compatriots without a "Kick from the Top"]. Available at: http://www.ng.ru/politics/2018-03-19/1_7192_pinok.html (accessed 25 September 2019).
- Turovsky R. (2005) Bremia prostranstva kak politicheskaiia problema Rossii [Burden of Space as a Political Problem of Russia]. *Logos*, no 1, pp. 124–171.
- Uberoi V. (2015) The "Parekh Report": National Identities without Nations and Nationalism. *Ethnicities*, vol. 15, no 4, pp. 509–526.
- US Agency for Global Media (2019) FY 2020 Congressional Budget Justification Available at: https://www.usagm.gov/wp-content/uploads/2019/03/USAGMBudget_FY20_CBJ_3-15-19.pdf (accessed 25 September 2019).
- von Bogdandy A., Häußler S., Hanschmann F., Utz R. (2005) State-Building, Nation-Building, and Constitutional Politics in Post-Conflict Situations: Conceptual Clarifications and an Appraisal of Different Approaches. *Max Planck Yearbook of United Nations Law Online*, vol. 9, pp. 579–613.
- Walton J. (2012) Chinese Nationalism and Its Future Prospects. Interview with Yingjie Guo. Available at: http://www.nbr.org/downloads/pdfs/Outreach/Guo_interview_06272012.pdf (accessed 25 September 2019).
- Yang K. (2016) Creating Public Value and Institutional Innovations across Boundaries: An Integrative Process of Participation, Legitimation, and Implementation. *Public Administration Review*, vol. 76, no 6, pp. 873–885.
- Yasi O. (2011) *Raspad Gabsburgskoi monarkhii* [The Collapse of the Habsburg Monarchy], Moscow: Tri kvadrata.
- Yasin E. (ed.) (2018) *Strukturnye izmeneniiia v rossiiskoi ekonomike i strukturnaia politika: Analiticheskii doklad* [Structural Changes in the Russian Economy and Structural Policies: Analytical Report], Moscow: HSE.
- Yoder J. (1999) *From East Germans to Germans? The New Postcommunist Elites*, Durham: Duke University Press.
- Zaostrovtsiev A. (2018) Paradigma modernizatsii: kak ee ponimat'? [Modernisation Paradigm: How to Understand It?] (Preprint M-68/18), Saint Petersburg: European University at Saint Petersburg.